НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Педагогический

ФАКУЛЬТЕТ

Д. В. Ольшанский

Взросление «Я»

Ш. А. Амонашвили

Письма к дочери

1988/7-8

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти письма вначале были написаны не для того, чтобы поделиться с читателями опытом воспитания дочери в семье, а для того, чтобы найти с ней общий язык и склонить ее к самовоспитанию. А так как они имеют определенный воспитательный эффект, автор, талантливый грузинский педагог, решил их опубликовать, тем более что его дочь дала на это согласие. Предлагаемая читателю брошюра состоит из двенадцати писем к дочери, в которых отец помогает ей обрести себя как личность, найти свое счастье в жизни. Обо всём этом и не только в книге Взросление "Я". Письма к дочери (Д. В. Ольшанский, Д. В. Амонашвили)

- Письма к дочери
  - Письмо первое
  - Письмо второе
  - Письмо третье
  - Письмо четвертое
  - Письмо пятое
  - Письмо шестое
  - Письмо седьмое
  - Письмо восьмое
  - Письмо девятое
  - Письмо десятое
  - Письмо одиннадцатое
  - Письмо двенадцатое

Письма к дочери

Письмо первое

-

Письмо второе

-

Письмо третье
«Я — кошка, но вы-то — люди?»

Добрый вечер, моя родная девочка!

Хотя я собираюсь говорить с тобой о кошке, однако ты, наверное, и сама догадываешься, что дело касается не столько кошки, сколько каждого из нас. Если человек хочет познать самого себя, в этом, пожалуй, ему может помочь и кошка, и канарейка, помещенная в клетку, и рыбки в аквариуме, и дворняжка, которая верно охраняет имущество своего хозяина. Но пока еще никто не заводил в доме кошку для того, чтобы самому ловить мышей и кормить ее ими; никто не приносил домой канарейку с той целью, чтобы сесть перед нею и запеть. Да не было и хозяина, который бы построил красивый дом, а затем взял ружье и заявил: «Пусть посмеет кто-нибудь обидеть мою собаку!» Все происходит наоборот: животными и птицами человек обзаводится для своих нужд и удовольствия, а не для того, чтобы им доставлять удовольствие и радость.

Наверное, так и должно быть. Однако…

Помнишь нашего красивого золотистого кенаря, которого мы назвали Дони? Сколько радости принесла нам эта маленькая птичка! Мы ее выпускали, бывало, из клетки, то она летала по комнате, то садилась нам на голову и щипала волосы, то прыгала по столу и обедала вместе с нами, иногда даже клевала из нашей тарелки. А услышав, что ты играешь на пианино, она стремглав летела к тебе, садилась на кисть правой руки, совсем не боясь, даже когда твои пальцы летели по клавишам или брали сильные аккорды. И начинала петь с изумительной гармонией, вплетая свою мелодию в пьесу, которую ты играла. Это на самом деле

было редчайшим зрелищем. Тогда мы все на цыпочках входили в комнату, чтобы видеть и слышать вас. В конце Дони поднимал клюв вверх, вытягивал свои ножки и крылья и начинал пощипывать твою руку, как будто целовал ее в знак благодарности. И тогда Дони казался мне человеком, превратившимся в птицу.

Иногда мне даже хотелось спросить его: «А дальше что, Дони, как ты считаешь?..» Порой мне казалось, что Дони пытается нам рассказать что-то такое о себе, о том, что его беспокоит, мне хотелось понять тайный смысл его пения, поэтому я все чаще беседовал с ним как с разумным существом и был уверен, что мы понимаем друг друга.

Еще больше привязалась к Дони бабушка. Будем откровенны: хотя Дони я подарил тебе, но за ним смотрела только бабушка. Она знала, когда какую еду ему давать. Она и приучила Дони садиться на ладонь и клевать зерна. Бабушка в день по нескольку раз чистила клетку и постоянно беседовала с ним, ласкала его, называла уменьшительными именами и, наверное, когда дома никого не было, рассказывала птичке о своей жизни, о каждом из нас, делилась своими заботами и огорчениями.

Так прожил Дони в нашей семье пять лет. Возможно, еще долго наш золотой кенар мог бы петь и радовать нас, но ты ведь хорошо помнишь, как бессмысленно он погиб. Рано утром бабушка почистила клетку, вставила в нее кусок фанеры, который служил полом, и ударила по нему, чтобы он плотно сел на свое место. Но она не заметила, как птичка, которая до этого летала по комнате, влетела в клетку. После долгих поисков мы нашли раздавленного Дони под фанерой. Мы оплакивали кенаря, а бабушка услышала много упреков. Она плакала, чувствуя себя убийцей.

А теперь вот кошка.

Уже давно ты мечтаешь о собаке или кошке. Зачем они тебе? Затем, чтобы поиграть с ними, развлечься. А когда тебе будет некогда или надоест игра, не нужна будет ни собака, ни кошка (как и Дони). Встречал я на улице девушек, прижимающих к груди маленьких щенят, ласкающих и целующих их и очень довольных тем, что собачки бегают за ними по пятам и подчиняются им. А кто в семье заботится о кошке и собаке, кто чистит их уголок, кто понимает их язык и разговаривает с ними, сочувствует им. Дедушки? Бабушки? Матери? Да и какой смысл иметь дома, например, крохотную собачонку, которая не может сторожить квартиру или помогать хозяину? Зато может испачкать подъезд, бессмысленно и продолжительно лаять на соседа, раздражать окружающих. И все-таки животное в доме

необходимо, наверное, для того, чтобы понимать его, чтобы научиться быть отзывчивым. Если ты сможешь сочувствовать животному, понимать его, то следует предположить, что ты лучше научишься понимать людей и проникнешься к ним чувством сопереживания.

На кошку мы случайно набрели на улице. Мы с тобой шли от зубного врача и вдруг увидели под деревом изумительную сиамскую кошку. Кошка посмотрела на нас и жалостно замяукала. Мы наклонились и приласкали ее. Кошка не испугалась, не убежала. «Вот о какой кошке я мечтаю, — сказала ты. Кошка как будто что-то говорила нам, мяукала, глядя нам в глаза. «Пап, ну пап, умоляю тебя, возьмем ее…» — начала ты упрашивать меня. — «А что скажет хозяин, мы ведь не можем украсть кошку!» Мы долго ласкали ее и не могли решить, как же нам быть. По правде сказать, я и не собирался брать ее домой. Кто будет ухаживать за ней? Все мы загружены делами, а кошка требует внимания.

Какая-то женщина заговорила с нами с другой стороны улицы: «Это очень хорошая кошка, — сказала она нам, — она без хозяина, вот в этой больнице приютилась, возьмите ее к себе!» Ты этого и хотела: «Папа, возьмем ее, пожалуйста!»

Разве может отец устоять перед мольбой дочери? Приласкает тебя дочь, поцелует один-два раза, и после этого не только кошку, но и крокодила домой притащишь. А ведь я, человек в возрасте, должен был подумать, надо ли приводить с улицы в дом бездомную кошку. Если бы я еще хорошо рассмотрел ее, то мог легко обнаружить, какой грех беру на себя. Ты же: «Возьми, умоляю!» Мне кажется, у отцов во всем мире совершенно особые чувства к дочерям. Они хорошо знают, что в каждой дочери сидит если не большой, то хотя бы крохотный чертенок, знают, что их не всегда надо слушаться, но им недостает силы воли, чтобы схватить этого крохотного чертенка за рожки и сказать ему: «А ну-ка, отстань от моей умной дочери!» Именно этот крохотный чертенок пользуется моей чрезмерной любовью: «Умоляю, папочка!» — и куда девается мой здравый смысл.

Мы подобрали кошку и пошли. По дороге кошка мяукала уже по-другому: по-моему, она просила нас отпустить ее, но кто ее послушал! Мы сели в такси и отправились домой. Водитель, увидев у нас кошку, высказал свое мнение. «Ни собаку, ни кошку я в дом не впущу… Не лучше ли ласкать своих детей или старых родителей?» В такси сидел еще один пожилой мужчина. «Зарубежные психологи доказали, — сказал он, — что именно те люди становятся жестокими и способными совершить преступление, которые в детстве ласкали собак и кошек!» Я тоже

изучал психологию, но подобной мысли никогда нигде не встречал. Напротив, общеизвестно: воспитать в детях доброту можно и дружбой с животными, только следует приучить ребенка понимать и сочувствовать животному, научиться его языку. Нельзя разрешать ребенку мучить собаку или кошку, преследовать птиц, разорять их гнезда.

Что касается чуткого отношения к взрослым, то, конечно, девушка или юноша, у которых появилась в доме для развлечения кошка или собака, не должны забывать, что в первую очередь следует оказывать внимание и заботиться о бабушке, маме и вообще о людях. Вот о чем я думал, когда взял кошку. «Что ты, уважаемый…» — но я не успел поспорить с пожилым мужчиной, такси остановилось, и он вышел.

Дома мы застали твоего брата. Он подозрительно посмотрел на кошку (мальчики обычно не очень благоволят к ним) и сказал: «Для чего она вам нужна была?» — «Как для чего! Очень даже нужна! Я мечтала о такой кошке, посмотри, какая она красивая!» — застрекотала ты. «Она-то красивая, но…» Ты не дослушала брата до конца и попросила его помочь искупать кошку.

Кошку мы выкупали, надушили духами, налили ей молока и стали ждать маму и бабушку: посмотрим, что они нам скажут.

Сначала пришла бабушка. Узнав о кошке, она вздохнула: «О, боги мои, новая забота появилась!» Ты даже не обратила внимания, из-за чего тревожилась бабушка. Ты держала кошку на руках и носила ее из комнаты в комнату, сажала на колени, гладила по шерстке, ласкала, но она никакой радости не проявляла, мяукала все чаще, на разные лады кричала «мяу», и бабушка сразу же определила: «Эту кошку что-то беспокоит, она не хочет быть с нами».

Ты и тогда не послушалась бабушки, когда она попросила тебя найти ящик и со двора принести песок. Бабушка сама спустилась за пеком, на дворе была непогода. Кошка тут же воспользовалась песком, но мяукать не перестала. «Может, она голодная?» — вновь начала бабушка. Мы и не заметили, как бабушка взяла зонтик и отправилась в магазин. Кошке понравилась колбаса, она с аппетитом поела и еще жалобнее (по-своему она плакала) замяукала.

Позже пришла мама. «Ой, кошка, откуда?» — воскликнула она с изумлением. Мы все ей подробно рассказали. «Кто будет смотреть за кошкой?» — забеспокоилась мама. В самом деле, кто будет смотреть за ней?

Ночью ты спала обычным сладким сном, а мы не смогли заснуть из-за жалобного беспрерывного мяуканья. Кошка забралась на окно, собираясь спрыгнуть с девятого этажа. Она

смотрела на нас и так жалобно мяукала, что нам хотелось плакать.

Утром я совсем решил отнести кошку обратно. Но если отец не может устоять перед мольбой дочери, тем более он не вынесет ее слез. В течение дня ты ходила по своим делам, а в промежутках забавлялась кошкой: то сажала ее к себе на колени, то на стол. А ее ничего не забавляло, она и с мячиком не стала играть. Бабушка несколько раз меняла песочек для кошки, налила ей молока и накормила. Но кошка вскоре объявила голодовку. Ходила за нами, терлась о ноги, смотрела на нас и жалобно мяукала. Ночью ты опять крепко уснула, а кошка вновь начала разрывать наше сердце мяуканьем. Мама не выдержала. Она встала, начала гладить кошку, успокаивала ее, предлагала ей молоко и сыр. Кошка ни к чему не притрагивалась, только смотрела ей в глаза и как бы говорила, упрекала, упрашивала. «Определенно ее что-то беспокоит!» — сказала мама.

На следующий день в свободное время ты опять забавлялась кошкой. Посадила на стол и завела с ней беседу, она же лизала тебе руку и беспомощно мяукала. Перед сном мы тебя предупредили, чтобы ночью ты оставила кошку в своей комнате. Что случилось в ту ночь? Наверное, кошка не дала тебе спать, все объясняла и жаловалась на свою беду. Если хочешь иметь кошку — научись кошачьему языку, хочешь иметь собаку — научись собачьему языку. У животных своя боль, заботы, огорчения и радости, они о чем-то просят человека, делятся с ним.

Мне кажется, в ту ночь кошка помогла тебе что-то понять, так как утром ты сама попросила меня: «Отнеси кошку обратно!»

И когда мы подняли кошку, чтобы посадить ее в сумку, только тогда заметили, как набухли у нее соски. У кошки были котята! Вот о чем она говорила, объясняла нам! Своим «мяу» она хотела разжалобить нас. Ее котята остались голодные и беспризорные, а мы принесли ее домой ради забавы.

Я взял такси и высадил кошку у того дерева, где мы ее нашли. Кошка даже не взглянула на меня. Сначала она осмотрелась, как будто не верила обретенной свободе, а потом пустилась бежать, да как бежать! Она бросилась под арку большого дома и перепрыгнула через высокий забор…

Я шел и думал: ежедневно тысячи пап и мам, тетей и дядей дарят детям собак или кошек, канареек или рыбок для аквариума. Увидит это ребенок и запрыгает от радости. Но вот вопрос: зачем они дарят детям животных, птиц, собак, рыбок, зачем я согласился взять с улицы сиамскую кошку? Ведь мы это делаем не для того, чтобы ребенок сразу же обрадовался, запрыгал и ударил в ладоши, прижал к себе подаренное животное. Мы,

взрослые, не имеем права не придавать воспитательного характера нашим взаимоотношениям с детьми. Если за канарейкой будет смотреть только бабушка, а ты будешь наслаждаться лишь ее пением, тогда выходит, что моей задачей было воспитание бабушки!

Говорят, что дети любят животных. Я же, если судить по примеру нашей бабушки, ясно вижу, что настоящей любовью птиц и животных любят только старые люди. Они их любят, потому что жалеют беспомощных животных, потому-то они так преданно заботятся о них, понимают их.

Дети любят животных не потому, что жалеют их, а потому, что развлекаются, играют с ними. Когда наскучит игра, им не нужно ни собаки, ни кошки. Разве не так?

Что нам сказала за эти дни сиамская кошка, которая старалась вызвать в нас жалость своим беспрестанным «мяу»? Вот что она сказала: «Я — кошка, но вы-то — люди».

А так как мы люди, давай подумаем, как мы должны любить животных и вот эту прекрасную и удивительную природу, частью которой являемся мы сами.

Спокойной ночи желаю тебе, моя дорогая, и, если ты все-таки увидишь сон, превратись в добрую волшебницу, которая знала язык всех животных.

Твой отец

Письмо четвертое
Мать

Добрый вечер, моя милая девочка!

Есть на свете человек, чье сердце жарче и сильнее девяти солнц, — это мама.

Я говорю не только о твоей маме, а имею в виду всех настоящих матерей.

Знаешь ли ты свою маму? «Знаю, как не знать!» — скажешь ты и удивишься: о чем это он спрашивает?

Я же думаю, что ты по-настоящему ее еще не знаешь.

Чтобы узнать маму, нужно заглянуть ей в душу, ее глазами увидеть самое себя.

А дети часто свою маму считают тем человеком, который смотрит за ними, готовит им еду, стирает, гладит, без конца учит уму-разуму, что-то позволяет, что-то запрещает или к чему-то принуждает. Мама, по их мнению, — тот человек, с которым можно поссориться, от которого нужно скрыть, что не была на уроке, получила двойку.

Но мама — это и тот человек, которому можно довериться и, плача, рассказать, как тебя подвел друг, как несправедливо поступил с тобой учитель, какую нелепую ошибку ты допустила в контрольной.

Ребенок, возможно, не так уж хорошо понимает, что значит для него мать, зато все матери знают, как они необходимы своим детям и как трудно им будет без матери.

Недавно мы с мамой возвращались с работы. Около

памятника Важе Пшавеле нас потрясло одно зрелище. Молодая женщина, болезненного вида, худая, безжалостно била девятилетнего мальчика, Она вцепилась ему в волосы, чтобы сын не выскользнул из ее рук, но мальчик и не пытался бежать. Он беспомощно прикрывал голову руками и смотрел ей в глаза. На асфальте валялся раскрытый портфель.

Мы не выдержали, бросились к ним, начали успокаивать, стыдить женщину: «Как можно бить ребенка, в чем он провинился!»

Женщина залилась горькими слезами, затем стали прорываться и слова. Из ее отрывочного рассказа мы узнали, что муж уехал куда-то далеко (может быть, бросил семью), что это ее единственный сын. Сама она тяжело больна («Хорошо знаю, что скоро умру»), и ее не оставляет мысль: кто будет смотреть за сыном, как он будет расти без матери, каким человеком станет.

А сегодня мальчик на два часа опоздал из школы. «Я испугалась, думала, может, попал под машину, переходя улицу… Чего только не представила… Встала с постели, пошла к школе, на тротуаре увидела что-то красное, приняла за кровь сына…»

Мать прижала к груди своего избитого сына, говорила, что больше не тронет его. А сын оправдывался: «Учительница оставила нас, потому и опоздал».

Мать повернулась к нам: «Знаю, в нашей стране ребенок не пропадет, всех соседей умоляю, присмотрите за сыном, чтобы не сбился с пути… И учителей прошу, и вас прошу, запомните моего Джемала, когда встретите на улице, остановите его и спросите, каким человеком он становится, дайте ему хороший совет».

Молодая женщина говорила нам это не для того, чтобы мы пожалели ее, она хотела, чтобы мы позаботились о ее сыне, а сердце ее в это время горело жарче девяти солнц…

«Я знаю свою маму», — смело скажешь ты. Я тоже так думал в детстве. Однажды, работая в пионерском лагере, я сильно заболел. Кто сказал, кто сообщил маме? Неожиданно пришла телеграмма: срочно выезжай. «Откуда ты узнала, что я заболел?» — «Сердце почувствовало, подсказало». Верно, что материнское сердце в самом деле может почувствовать, как живется сыну (дочери), не болеет ли он, не беспокоит ли его что-нибудь.

И не раз в детстве я обижался на мать, и этого хотелось и того. Однако мама, которая заменяла мне и отца, погибшего на фронте, далеко не все мои желания исполняла. Не позволяла долго играть во дворе, слоняться без дела, винила только меня, когда я ссорился с товарищами, требовала, чтобы я предупреждал, куда и надолго ли ухожу.

И мне порой казалось: она чрезмерно строга, сердита,

слишком требовательна, шагу мне не дает ступить.

Зато она никогда не ограничивала меня в чтении, не жалела последних копеек, только бы я купил интересную книгу. Охотно отпускала меня во Дворец пионеров, куда я ходил в литературный кружок, приветливо встречала моих товарищей. Мама поручала мне все мелкие дела, требующие мужской руки, не препятствовала моим стремлениям с ранней юности познать радость самостоятельного труда и ответственность старшего сына перед семьей.

Сейчас я часто думаю: допустим, я бы следовал своим желаниям, уклонялся от разумных советов матери, что тогда? Не знаю, что бы произошло, но верю, не вышло бы ничего путного.

Мать своими «да» и «нет» приближала меня к идеалу взрослого мужчины.

Сейчас моя мама постарела, то одно болит, то другое. Но ее сердце по-прежнему горит сильнее девяти солнц, это и меня делает сильным, упорным, когда мне трудно, когда мне нужны новые силы.

Дети, к сожалению, поздно осознают тепло материнского сердца. Постепенно мать стареет, седеет, слабеет в мыслях и заботах о детях. Если приблизит детей к идеалу, нет предела ее счастью, она не вспоминает о прошлых огорчениях, гордится, радуется: «Знаете, какие у меня дети!..» Но если не сможет приблизить — еще больше сморщится, согнется, втихомолку будет плакать, прятаться от людей…

Если хочешь узнать свою мать, загляни ей в сердце, деточка! Я радуюсь, когда ты и мама вместе трудитесь: убираете квартиру, стираете белье, готовите обед. Иногда мама говорит тебе: «Сама постираю, ты не нужна мне». И ты наивно веришь, что маме и в самом деле не нужна твоя помощь. Какая мать не хочет, чтобы дочь помогала ей? Почему же тогда старается поменьше загружать тебя? Загляни в сердце матери — и ты поймешь, что она берет на себя двойную работу, чтобы предоставить тебе возможность читать, учиться…

Некоторые дочери принимают как должное двойную загруженность матери, они считают, так и должно быть: они заняты своими, более нужными делами. А это уже беда, избалованная дочь становится неблагодарной: «Принесите… Подайте… Вы надоели мне… Мне некогда…»

Если ты знаешь свою маму, не верь ей, что ей не нужна твоя помощь, стань рядом, помоги, устань вместе с ней. Пусть даже обеспокоится мама, что тебе рано пришлось встать, что ты допоздна не могла лечь, лишилась развлечений. Но она подумает: «От скольких радостей отказывается моя дочка, чтобы облегчить

мой труд!» И будет счастлива.

Меня радует и то, когда ты и мама вместе идете в кино, театр, на концерт, читаете одни и те же книги, а затем обсуждаете, спорите. Иногда вместе поете или в четыре руки играете на пианино. Особенно люблю, когда вы о чем-то шепчетесь, скрывая от других какой-то секрет. «О чем вы говорите?» — «Ни о чем».

И обе загадочно улыбаетесь.

Отношения матери и дочери — близкие из близких. Кому откроет девушка свои самые сокровенные чувства? Маме. Кому же еще! Мама поймет, догадается, оградит, обнадежит. Но ведь и мама хочет иметь настоящего друга, которому можно доверить тайну, вместе обсудить семейные дела. Кто может быть таким настоящим другом матери? Конечно, дочь, кто же еще!

Извините, девушки, сколько вам лет? Четырнадцать, пятнадцать, больше? Значит, вы уже можете стать настоящим другом матери. Как? Это вы и сами поймете. Но только не в такие моменты, когда необдуманно и упрямо отвечали маме: «Не хочу! Не буду!» И не тогда, когда мать много раз повторяла просьбу, а вы, лениво раскачиваясь, нехотя брались за дело. Наконец, и не в те минуты, когда пытались отмахнуться от матери, наклонившейся приласкать: отстань, мол.

Что в это время происходит с материнским сердцем? Оно сжимается, глаза наполняются слезами. Один такой случай, второй, десятый, и возникает отчуждение. Дочери что — молодость принадлежит ей, она самозабвенно отдается радостям жизни, счастлива в своей собственной семье. А у матери сердце останавливается, дочь забыла ее… Нет, дочь помнит, что у нее есть мать, даже иногда готова помочь ей то в одном, то в другом… но забывает, что матери нужно еще и сердечное внимание.

Не так должны вести себя чуткие дочери. Они в силах сами почувствовать, что беспокоит маму, сами первыми приласкать и утешить ее, расположить к доверию и откровенности.

Все матери растят своих детей для страны, для народа, но и для себя тоже.

Воспитывая ребенка, мать думает и о том, что в старости он будет ее опорой, что присмотрит за ней, отблагодарит за труды и заботу.

Человеку можно простить всякий грех, но какой суд оправдает дочь, которая не оценила труды своей матери?

Нужно учиться любить маму, моя девочка. Когда малыша спрашивают, как он любит свою маму, он сжимает кулачки, весь напрягается, крепко жмурит глаза, сдерживает дыхание и наконец

целует воздух: мол, так люблю.

Мать нужно любить нежно, беречь ее, чтобы слово твое, твой поступок не причинили ей боли, нужно уважать ее, ласкать искренне и трогательно.

Мы пока что в расцвете сил. Мама и я много трудимся. Она в семье вдохновляет всех, на работе ее знают как способного и творческого педагога. А я в маму, могу гордо сказать, влюблен уже двадцать лет.

Знаешь, какая история произошла с нами вчера? Мы шли от бабушки. Напротив филармонии ждали автобуса. На остановке никого, кроме нас, не было. Мы разговаривали, смеялись, и вдруг мне захотелось крепко обнять твою маму, поцеловать и шепнуть: «Я люблю тебя, моя родная!» Я так и сделал.

И вдруг я вижу, что с другой стороны улицы к нам направляется молодой, лет двадцати, милиционер. Я подумал, наверное, это мой бывший ученик, хочет поговорить со мной. А он приблизился, козырнул и строго обратился ко мне: «Гражданин, ваши документы!» Я не поверил своим ушам: «Зачем вам мои документы?» (Их, кстати, и не было со мной.)

И двадцатилетний стал читать мораль пятидесятилетнему мужчине: «Как не стыдно такому солидному мужчине обнимать на улице женщину, какой пример подаете другим?»

«Эту женщину, мать моих детей, я никогда не обделю лаской», — сказал я милиционеру, поцеловал маму в щеку и снова обратился к нему: «А теперь я готов в милицию! Лучшей причины не найти, чтобы милиция хоть раз задержала меня!»

Милиционер сник, извинился, снова приложил руку к фуражке и удалился.

Интересно, что сказали бы вы, мои дети, если бы по этой причине меня действительно задержали вчера вечером?..

В моем столе я храню одно стихотворение. Насколько я помню, ты была в пятом классе, когда написала его. Вот оно.

Мама

Сидит, размышляя,
День и ночь,
Кто это?
Милая мама.
Всегда готовая
Всем помочь.
Кто это?
Милая мама.

Возвышаясь над всеми
В своей простоте,
Кто это?
Милая мама.
Спокойна,
Прекрасна
В любой суете,
Милая, милая мама.

Бережно относись, моя девочка, к тем чувствам, которыми подсказано это стихотворение, множь эти чувства. На свете не существует человека роднее и любимее матери.

Желаю тебе спокойной ночи, моя родная. Желаю тебе увидеть во сне, как светится и сияет лицо матери, когда кто-то говорит ей: «Каких хороших детей вы воспитали!»

Твой отец

Рисунки Елены Акимовой

Письмо пятое
Властительвремен

Добрый вечер, моя добрая девочка!

Можешь ли, не раздумывая, сказать, сколько тебе дней?

Не знаешь. Сегодня закончился 6100-й день твоей жизни. Этот день, как и все прошедшие дни, никогда не повторится.

Ну и что же, скажешь ты, подумаешь, велико горе, если день кончился! Дней сколько хочешь, столько и будет!

Да, конечно, дни на нашей земле нескончаемы, но каждый день нуждается в достойной встрече и проводах. Мы почему-то привыкли считать свой возраст годами. Но мне думается, что это слишком большая мерка для такого чуда, как время и жизнь.

И вдобавок она создает двойную иллюзию.

Во-первых, кажется, что человеческая жизнь коротка. А если так, то каким же нам покажется день, тем более час, минута, секунда? Они в нашем представлении превращаются в крохи времени, беречь которые мы не считаем нужным.

А иногда нам кажется, что в году — от января до декабря — очень много времени. Подростку же год может видеться просто бесконечно-стью. Поэтому куда торопиться, думаем мы, и с одного дня на другой переносим неотложные дела или ищем какое-нибудь развлечение, чтобы не замечать, как уходит время, убиваем его.

Жалко, доченька, человека, который живет во времени и не видит его. Жалко человека, который не знает цены времени. Жалко, родная, такого человека без перспективы, без смысла жизни. В его голове мысли движутся так же лениво, как тучи в безветренную погоду, и эти мысли темны так же, как тучи в

безлунную ночь. «Человек властитель времени лишь тогда, когда разделит его на часы, минуты и секунды, т. е. на такие части, которые соответствуют его краткотечной жизни… Жизнь кажется короткой только потому, что мы беззаботно мерим ее нашими необдуманными мечтами». Ты ведь любишь Анатоля Франса? Это его мысль.

По моему убеждению, самая светлая и естественная единица времени — день.

Дни мне кажутся восходящими к солнцу ступеньками.

Большинство людей бодро и упорно поднимаются по ним, помогая друг другу: кто пашет, кто сеет, кто вяжет, кует, кто вдохновенно творит свой стих, который, может быть, станет частицей души целого поколения. Кто-то именно сегодня откроет новый элемент, создаст новую теорию…

День — само существование, сама реальность жизни. Горы могут возвеличить человека, а один день — низвергнуть его; годы могут уничтожить его, а один день — сделать бессмертным. Вот что такое день в жизни человека.

Поэтому ты должна радоваться и благоговеть перед собственным днем, перед неповторимостью своего существования, радоваться и беречь его 24 часа, или 1440 минут, а в конце концов 864 000 секунд. И если хочешь все выше и выше следовать по солнечным ступенькам, тогда наполни собственный день трудами и заботами, устань от того, что в течение всего дня работала, мыслила, создавала, преобразовывала, сочувствовала, находилась рядом с людьми.

И когда утомленная от этого труда, ты посмотришь на человеческую жизнь, ты увидишь, какая она большая и долгая. А когда обнаружишь, как ты нужна людям, то почувствуешь, как дорог тебе каждый день, каждый час, минута, секунда.

Каждого из нас день наполняет солнцем и жизнью, каждый из нас должен наполнить его своей жизнью.

В твоей жизни сейчас наступает пора, когда ты должна овладеть специальностью. И от того, каким будешь специалистом и каким ты станешь человеком, будет зависеть многое. Помнишь, что рассказали нам недавно в больнице, где лежит твоя бабушка? Один врач сделал девятикласснице операцию аппендицита. Через несколько дней девочке стало хуже, рана нагноилась, а встревоженный врач успокаивал взволнованную мать: ничего, мол, обойдется. Девочка погибала. Другие врачи повторно оперировали ее и не смогли скрыть своего возмущения коллегой, который проявил элементарное незнание. Этот горе-специалист, вероятнее всего, сидя на лекциях, убивал время, одним глазом читал учебники, одним ухом слушал преподавателей. Так вышел

из института плохой специалист, и люди страдают по его вине. Если бы он был честным человеком, наверное, сам отказался бы от операций.

Вспоминаю и другое, ты сама рассказывала об этом.

В нашем районе разрушилось новое пятиэтажное здание телефонной станции. Почему разрушилось? Потому что его строили так себе подготовленные инженеры.

Ты хочешь поступать в университет. Допустим, пролетят студенческие дни. Что будет, если каждый из этих дней ты не наполнишь смыслом, не устанешь от дум, вопросов, работы, поисков? Случится то, что ученики, преподавать которым ты станешь, ничему не научатся у тебя. Нет, я и думать не хочу об этом! Ничего нет страшнее посредственного специалиста! Посредственное никуда не годится, посредственный никому не нужен!

Не хочу видеть тебя посредственной! Учись со всем старанием и творчески, чтобы стать отличным специалистом. Если будешь матерью — должна быть прекрасной матерью. А так как ты дочь, должна быть прекрасной дочерью.

Хочешь приобрести знания и человеческие достоинства, приобретай их именно сейчас, в годы ученичества, так как именно сейчас этого легче всего достигнуть, потом, с возрастом, труднее будет учиться и перестраивать себя.

Сейчас! Но как?

Предложу тебе один воображаемый эксперимент, подобных которому в действительности сколько угодно. Возьмем двух девушек-сверстниц и рассмотрим один их день.

Одна встала рано утром, приготовила завтрак и понесла бабушке в больницу, приласкала и успокоила ее. Другая встала поздно и набросилась на мать, почему не приготовила ей кофе?

Одна занималась пять-шесть часов, читала книгу, учила стихи: кто знает, что попадется на экзамене?

Другая переписала четыре-пять шпаргалок и ломала себе голову: в какие складки платья засунуть их, чтобы незаметно использовать на экзамене.

Одна вежливо отказала подружкам: не смогу пойти с вами в кино, нет времени.

Другая посмеялась над ней и пошла гулять с подругами.

Одна вечером помогала маме стирать белье.

Другая в это время застыла перед телевизором.

Допустим, так прошло много дней. Первая девушка большую часть дней заполнила заботами, вторая же большую часть дней «проводила», «убивала». И возможно, тоже уставала… от безделья.

Тебя не затруднит сделать вывод: кто из них станет настоящим специалистом, а кто посредственным?

И вот теперь скажи сама, имеют ли право юноша и девушка заявить: «А вам какое дело, как я учусь, ведь от этого теряю я, а не вы».

Как это мы ничего не теряем? Разве это было ничего, когда девочка чуть не погибла от аппендицита, а уже построенный дом рухнул?

Наша семья — семья тружеников, девочка моя!

Бабушка за всеми нами смотрит, готовит обеды, выполняет тысячу мелочей по дому. Понаблюдай за бабушкой: она постоянно чем-то занята, не может сидеть без дела, если даже нечего делать, изобретет его для себя.

Мама организует жизнь семьи, создает для школьников новые учебники, участвует в научных конференциях, проводит уроки в школе. И что самое главное, каждого из нас одаряет своей заботой, лаской, любовью.

Трудолюбив и твой брат. Никогда не застанешь его без дела. Одновременно учится на двух факультетах. В дни летних каникул работает на фабрике или в типографии рабочим. Многое делает и по дому, никогда ни в чем не отказывает нам, не упрекает. К тому же обрати, пожалуйста, внимание: каким он бывает заботливым и ласковым по отношению к своим бабушкам.

И я тоже не могу жить без труда, и ты, я уверен, растешь тоже трудолюбивой девушкой. При этом мы любим развлекаться, принимать гостей, бывать у родственников и близких, ходить в театр и кино.

В конце каждого дня мы обычно собираемся за ужином в нашей маленькой столовой и рассказываем друг другу, чем мы занимались днем, что нас порадовало и что огорчило, кого мы встретили и что узнали. Вот тут мы и обнаруживаем, каким длинным был день у каждого из нас и в то же время как незаметно он промелькнул. Мне кажется, что у всех у нас сложилось одно правило, которому мы следуем.

Начало нашей семьи — взаимная любовь, а высшее проявление этой любви — добрые поступки и труд на благо людей.

По вечерам мы чувствуем, что, оказывается, тоже устали. Но мы довольны, радуемся, что уже подошли к ступеньке завтрашнего дня. А каким будет наш завтрашний день — это зависит от нашей воли.

Сама подумай, доченька: разве мы можем позволить себе бесследно потерять день?..

Твой отец

Использована иллюстрация Е.Юшина

Письмо шестое
Колючие вопросы

Фото Александра Степанова

Добрый вечер, моя милая девочка!

Хочу быть с тобой откровенным.

Конечно, я знал, во всяком случае, чувствовал, что тебя что-то мучает. Это хорошо, что у нас порой возникают разногласия по поводу той или иной жизненной проблемы. У тебя свое мнение, у меня — свое. Вы с братом иногда начинаете атаковать нас с такой железной логикой, логикой жизненных фактов, что наши рассуждения, оправдывающие некоторые явления прошлого и настоящего, теряют всякую силу.

Да, разумеется, есть какой-то барьер опыта между поколениями. Вам, юношам и девушкам, трудно перешагнуть через него, ваш анализ не углубляется в корень сегодняшних фактов, и получается, что прошлое вам нипочем, для вас важнее сегодняшнее и только через него — будущее.

Нам же, взрослым, трудно освободиться от своего опыта, от того, чтобы видеть настоящее и будущее вне призмы прошлого.

Вот и возникают осложнения во взаимоотношениях.

Плохо ли это?

Нет, почему! Очень даже хорошо, что есть такая трудность. Она дает нам толчок для бурного обсуждения многих проблем, в ходе которого изменяются обе стороны.

Я начал с того, чтобы поразмышлять с тобой о себе, о своем самовоспитании, в котором ты принимаешь самое активное участие. Возможно, этот мой самоанализ поможет тебе сделать то же самое и, таким образом, глубже и лучше понять себя и нас.

Я уверен: путь к взаимопониманию и познанию друг друга проходит через понимание и познание в первую очередь самого себя. И чем глубже человек познает самого себя, свой характер, устремления, ценности, жизненные цели и т. д., тем легче ему будет понять других людей и окружающий мир в целом. А это очень важно — взаимопонимание, это источник вдохновения и творчества, духовных сил и надежд. Ты силен десятикратно, когда тебя понимают, но становишься во сто раз сильнее, когда ты понимаешь других.

Однако скажу, почему мне вдруг захотелось довериться тебе, довериться будущему. Хотя логика ваша без чувства историзма и события прошлых и настоящих времен вами, молодыми, оцениваются без связи друг с другом и ваше возмущение и удивление действительно неприглядными жизненными явлениями оторваны от корней своего возникновения, тем не менее ваш железный юношеский максимализм имеет влияние на взрослых. Особенно почувствовал я это сейчас, когда в нашей жизни правда становится стержнем наших суждений, наших дел.

Как-то, будучи еще пионеркой, ты вернулась из школы взволнованная и возмущенная. Чем? Тем, что, как ты выразилась, мы учим вас лгать, говорить неправду, говорить вслух одно, а думать и делать другое.

— У вас тоже так на партийном собрании, как у нас на пионерском? — спросила ты. — Стоишь и говоришь на трибуне как попугай, повторяешь то, чему не веришь!..

Ты задела меня за живое. И мне показалось, что порой я уподобляюсь маляру, который перекрашивает дряхлые постройки в яркие краски и убеждает всех, что жить в них одно удовольствие и наслаждение. Да, было так: гордясь и восхищаясь хорошим, — старались не замечать дурного, пытались перекрасить словами пятна жизни и думали, что это и есть наиболее плодотворный метод воспитания уверенности, оптимизма. Слова наши очень разошлись с действительностью, с делом, мы пугались правды, боялись сказать правду.

Чем это было вызвано?

Вот и мое откровение: заблуждением, покорностью перед силой, которая диктовала, которая думала и решала все вместо тебя, а от тебя требовала верить ей, не сомневаться в правильности ее решений. Она требовала еще, чтобы мы восхищались жизнью, строительством, масштабами. Разумеется, было и есть чем восхищаться, но остались перекрашенные пятна, замазанные события.

Ты тогда заявила еще, что твоя пионерская организация учит вас врать. В тот день к вам должны были прийти из райкома комсомола, и чтобы не возникли недоразумения, уроки были упразднены и вместе с классной руководительницей и пионервожатой вы все наспех стали оформлять на бумаге несостоявшуюся жизнь. Вас учили, как отвечать проверяющим на тот или иной вопрос.

— Если спросят, какие у вас были сборы, то скажите: такой, еще такой, такой…

Но этих пионерских сборов не было, были только дневники с рассказами о событиях, посвященные им стенные газеты, выпущенные в этот день.

— Если спросят, какие у вас были походы и экскурсии, обсуждения и дискуссии, какая у вас самодеятельность, то скажите…

И опять выдуманная жизнь.

Это был не первый случай вранья, а здесь к тому же еще надо было спасать пионервожатую и классную руководительницу.

Однако недоразумения все же произошли. Проверяющие поговорили с вами доверительно, по душам, по-настоящему, и вы начали говорить правду. Проверяющие ушли, а пионервожатая и классная руководительница, да еще и заместитель директора по воспитательной части напали на вас, пристыдили. Это и привело тебя в ярость: «Вы только тому и учите, как лгать… Вы не хотите видеть настоящую жизнь… Вот какие вы, взрослые!..»

Тогда я попытался сгладить происшедшее, но мои старания вызвали твой гнев: «Значит, и ты заодно с ними? Значит, нам надо было лгать?.. Не лучше ли было бы устраивать настоящие походы, соревнования, диспуты?..»

Да, конечно, было бы лучше, но мы привыкли говорить неправду, привыкли хвалить себя. Составляем радужные планы, а потом забываем о них.

«А почему привыкли, может быть, вас напугали? Ты тоже из пугливых?» — упорно задавала ты мне эти вопросы. И я, к стыду своему, уклонился от откровенного разговора, не знал, что и как тебе сказать, твои факты и логика не укладывались в мои объяснения.

Вспоминаю еще один случай. Ты пришла домой из гостей взволнованная.

— А вы знаете, — сказала ты, — послезавтра наши космонавты полетят в космос, — и даже назвала фамилии будущих героев.

— Откуда ты знаешь? — удивилась мама.

— Она всегда все знает, что пишут в газетах, постоянно слушает новости, — сказала бабушка.

— Но ведь об этом еще ни слова не написано в газетах! — возразила мама.

О наших космонавтах нам обычно сообщали тогда, когда они уже завершали свой полет или в лучшем случае выходили на орбиту.

Не знаю, почему все это было тогда засекречено для нас, в то же время западные радиостанции уже передали сообщение о предстоящем полете. Кто-то послушал «Голос Америки» и на другой день пришел в школу с новой информацией.

— Глупости, — возразила бабушка. — «Голосу Америки» верить нельзя, там только врут!

— Давай поспорим, что полетят, хочешь? — предложила ты бабушке.

Спустя два дня все радиостанции сообщали весть о полете наших космонавтов и назывались именно эти фамилии.

— Вот видишь, — приставала ты к бабушке, — а ты говорила, что «Голос Америки» врет! Это у нас все скрывают!

Эти твои обобщения напугали меня. Что я мог тебе возразить? Сказать, что так лучше, что мы не знаем, когда полетят космонавты и кто именно полетит? Нет, такое оправдать трудно. Но вот более сложная проблема: откуда узнали на Западе о наших секретных планах? А если это не секрет, то почему бы об этом не сообщить своему народу? Ты возмущалась: «Вот так всегда нас держат в неведении!»

В общем, таких случаев в нашей жизни было немало, и они усложняли мое общение с тобой. Гласность — вот что нужно было мне, нам, твоим воспитателям, всем воспитателям юношей и девушек. Нам нужна была не просто гласность, но опережающая все «голоса» правдивая информация. Тогда и у меня с тобой, и у других родителей не возникали бы трудности в установлении доверия и взаимопонимания. Может быть, мне надо было тогда набраться смелости и прямо сказать тебе: «Да, моя дорогая, это недоразумение, это наша глупость, наша недальновидность…» Но я поосторожничал, думал, что этого нельзя делать, пусть узнает сама потом, а лучше, если не узнает никогда.

Я думал так, а тем временем в тебе подспудно складывалось

какое-то небрежное, неуважительное, скептическое отношение к нашей действительности.

Меня это страшно беспокоило, так как искажало твое мировоззрение, грозило разрушить доверие между нами и вообще наши отношения могли зайти в тупик. Мне нужно было выбрать один из двух путей: или нравоучениями и авторитарными требованиями попытаться промыть тебе мозги (чего я, конечно, не хотел), или же найти доказательства более сильные, чем твои аргументы, показать тебе подлинные нравственные ценности и раскрыть их истинную суть. Поиск второго пути всегда толкал меня к искренности, правде, открытости в общении с тобой. Но вот мое трусливое желание не осложнить тебе жизнь и в настоящем и в будущем толкало меня к полуправде, значит, к осложнению наших взаимоотношений.

А настоящая жизнь врывалась в наш дом.

— Это правда, — спросила ты меня, — что в бюллетене по выбору депутатов написано: «Зачеркнуть всех, кроме одного», а там только одна фамилия?

— Ну и что? — ответил я осторожно, — избиратели выдвигают одного кандидата в депутаты и выбирают его, они имеют право выдвинуть и нескольких…

— А почему не выдвинули нескольких, чтобы выбрать из них одного? — допытывалась ты, и я чувствовал в твоих вопросах недоверие, насмешку. — Какие это у вас получаются выборы?

Подобные разговоры в тот день, по всей вероятности, происходили и в семьях твоих одноклассников, ибо разговор этот начался в школе.

Я приводил «аргументы», «доказывал», но все равно ты мне не поверила, потому что твоя логика не могла терпеть ограничений в свободе выбора.

Нет, честность, открытость, правда — вот на каких началах следует воспитывать юношей и девушек! И я тебе открылся: конечно, надо демократизировать систему выборов, должно быть несколько кандидатов в депутаты, пусть выдвинут они свои программы действий, а мы потом подумаем, за кого голосовать…

Раньше я мог запретить тебе искать причины исчезновения в 1937 году замечательного поэта Тициана Табидзе, стихи которого составляют гордость нашего народа. И я поступил бы так потому, чтобы опять-таки уберечь тебя. Но тут же в душе возмущался бы за такое темное прошлое. Зато полуправда начала бы терзать тебя, а докопавшись до правды, ты могла бы взбунтоваться… Но правда, истинная правда, пусть очень горькая, пусть безжалостно обличительная правда, высказанная с чувством раскаяния, с чувством вины за совершенное беззаконие, откровенность отца

перед детьми — подростками, юношами и девушками, есть основа для установления взаимоотношений между ними на началах сотрудничества.

Вместе с тобой возмущаюсь событиями 37-го года. Какое это было трагическое время беззакония, произвола, бездушия! И сколько великих жизней оно унесло! Тициан Табидзе наверняка написал бы несколько томов очищающих и возвышающих душу стихов, а какие литературные шедевры мог бы создать Михаил Джавахишвили. И все это потеряно для народа навсегда. Конечно, надо докопаться до сути событий, надо узнать, почему все это произошло, кто в этом виноват, надо восстановить картину трагических событий тех лет, когда погибали люди, ломались их судьбы. К сожалению, я не знаю, что тебе рассказать о Тициане Табидзе, нигде об этом не читал, ни от кого не слышал, и если узнаешь сама, то, пожалуйста, расскажи и мне.

Какой разговор у нас, взрослых, должен быть с нашими повзрослевшими детьми?

Мне нужен диалог с тобой, дочка моя, постоянный, откровенный, основанный на правде. Это я, это мы, взрослые, на которых возложено воспитание детей, должны быть чистосердечными, искренними, откровенными и открытыми перед тобой, перед вами, нашими детьми. Мы должны научиться чистосердечному признанию наших ошибок, мы должны стать единомышленниками вашими в анализе возникших в нашем обществе негативных явлений и тем самым помочь вам усвоить наши нравственные ценности и идеалы так, чтобы они стали убеждениями вашей сознательной жизни…

Чем последовательнее мы будем в делах перестройки, тем легче и полнее будет наше общение с «трудным» юным поколением.

Вот на какие размышления навели меня твои колючие вопросы, которые ты задавала порой с какой-то насмешкой, с каким-то раздражением. И я прихожу к выводу: нужно разобраться в них не только тебе, но и мне тоже, и пусть станут опорами нашего диалога правда и искренность, самоанализ и взаимопознание… Нам надо научиться прислушиваться к вашим мыслям, соображениям, разобраться в ваших оценках, и делать это следует с той же искренностью, какую проявляете вы в споре с нами. Нужно и другое: осмыслить свой опыт и свои знания на фоне ваших скептических рассуждений и освободить себя от предвзятых оценок, предупреждающих меня о необходимости стерилизации так называемой воспитательной среды. Среду надо очеловечить, это верно, но стерилизовать ее для воспитания не нужно.

Ты уже давно не ребенок, и помочь тебе следует не в том, чтобы уберечь, отгородить тебя от жизни, а в том, чтобы определить жизненную, гражданскую, общественную позицию. А этому, естественно, ни в какой мере не будет способствовать уход от проблем, которые волнуют тебя. Ты должна критически осмыслить и освоить нашу действительность, наше прошлое, должна знать о наших трагических ошибках. Ты имеешь на это право. Твое поколение имеет полное право, принимая эстафету жизни, спрашивать нас: а все ли в этой жизни в порядке, какие и почему допущены ошибки? И мы обязаны отчитываться перед вами, не скрывая ничего ни из прошлого, ни из настоящего, не обманывая вас и не вводя в заблуждение. Замалчивая факты недавнего прошлого, мы протаскиваем в будущее старое общественное лицемерие.

Порой думают, что за семейное воспитание полностью отвечают родители, которые должны давать детям пример всей своей жизнью. Но что делать в тех случаях, когда негативные явления вторгаются в жизнь, искажают воспитательный процесс в семье? Скажем, нет гласности в обществе, и я не могу сказать тебе правду; недостает демократизма, и мне становится трудно вселить в тебя веру в справедливость, и мне приходится идти наперекор твоему здравому смыслу, твоей железной логике фактов.

Все это, к счастью, уходит в прошлое, уходит через наше с вами, молодыми, критическое осмысление всего того, что было.

Спокойной ночи желаю тебе, моя родная, и пусть приснятся тебе две богини: богиня мудрости — ее зовут София, и правосудия — Фемида.

Твой отец

Письмо седьмое
Источник сил

Добрый вечер, моя милая девочка!

Итак, начнем!

Жила-была одна…

Да ведь я тебе сказку рассказываю, зачем ты меня прерываешь? Разве ты не соскучилась по моим сказкам?

Раньше я рассказывал тебе сказки, чтобы развивать твою фантазию и воображение, чтобы ты поняла, какая борьба идет между добром и злом, как побеждает добро и как дорого обходится ему эта победа. И конечно, рассказывал еще, чтобы ты сладко засыпала и видела светлые сны.

Разве плохо видеть сны? Они как странные фильмы, связанные с твоей судьбой и жизнью, которые кто-то снял только для тебя и только тебе их показывает. И показывает лишь один раз, без повторения. Во сне ты говоришь, действуешь, дружишь или ссоришься. Словом, сны — это чудесные фильмы, чего только не увидишь в них, с кем не встретишься, в каком времени не будешь жить.

Допустим, вчера ночью тебе бы приснился сон: обе бабушки беседовали друг с другом, вспоминая что-то, то радовались, то плакали. Вдруг ты подошла к ним. Бабушки сразу вытерли слезы и улыбнулись тебе. Ты хотела спросить: «Бабушки, чему вы радуетесь или зачем плачете?» И вдруг обе бабушки словно исчезли и перед тобой раскинулось море. И в это время ты проснулась.

Что бы ты сделала, как поступила сегодня, если бы ночью увидела такой сон? Может, начала бы гадать, что значит увидеть во сне бабушек и море. Или, может, вообще забыла бы об этом

сне?

Думаю, ты поступила бы иначе. Наверное, приласкала бы сперва одну бабушку, затем другую, а потом принялась бы настойчиво расспрашивать, не беспокоит ли их что-нибудь? Нет, сказали бы бабушки, лишь бы тебе было хорошо, расти достойным человеком, а нам ничего не надо. «А все-таки, а все-таки», — не отставала бы ты от бабушек. И тогда бы ты поняла, что этот сегодняшний день для бабушек — день самых горьких воспоминаний. «Маруся, продержись как-нибудь, смотри за детьми, вырасти их хорошими людьми. И себя береги. Я тоскую и тревожусь о вас». Эти слова из письма моего отца, которое твоя бабушка получила в последний раз. Дети выросли, давно стали старше своего отца, создали семьи. И люди неплохо о них отзываются. «А ваш дедушка, — скажет бабушка, и глаза ее наполнятся слезами, — погиб на войне… Будь проклята война и те, кто ее разжигает!»

Вот как сбылся бы твой сон…

Да, а я ведь сказку рассказывал! Чуть не забыл!

Жил-был… один гадкий утенок… нет, не утенок (это в сказке Андерсена, а ты ее знаешь наизусть). Жила-была одна гадкая девчонка, завернутая в белоснежные пеленки, а сама некрасивая, сморщенная, крикунья.

Зачем ты меня прерываешь? Разве ты не догадалась, о ком эта сказка? О тебе, о ком же еще! Ты героиня этой сказки. Так рассказывал мне сказки и отец: я был главным героем его сказок. В сказках отца я прошел через многие опасности и препятствия, семь раз переплывал семь морей, семь раз переходил семь гор и на седьмое небо поднимался семь раз, спасая красавицу, заточенную в замке за семью замками. У семиглавого чудовища отрезал семь голов, семь раз освобождал прикованного к скале Амирана. И хотя я уже прожил более полувека, все равно мечтаю, чтобы отец был жив и рассказывал мне сказки.

Сегодня я перечитал письма, которые отец присылал мне с фронта в 1942–1943 годах. Когда я получал эти письма, мне было одиннадцать-двенадцать лет. Учился я в деревне. С Кавказских гор ежедневно слышался такой грохот, что в домах дребезжали стекла. Несколько раз над деревней пролетали немецкие самолеты. Крестьяне выбегали во двор, нацеливали сжатые в кулаки руки на самолет, подобно зениткам, и так кричали и ругались, что, казалось, самолеты пугались и улетали. В то время письма отца наполняли меня смелостью: отец на фронте, разве что-нибудь нам могут сделать фашисты? Сегодня, спустя сорок с лишним лет, в этих же письмах я увидел моего настоящего оцта, увидел молодого папу: «Присылай письма, любимый мой

мальчик», «Крепко-крепко целую тебя издалека, мой мальчик, передай привет моей маленькой любимой Нателе, расцелуй ее вместо меня», «Сынок, береги сестру, не обижай ее, жалко нашу маленькую Нателу», «Почему не пишешь письма, негодник, в чем дело?» В самом последнем письме отец мне тоже написал несколько строчек: «Мой дорогой мальчик, будь здоров, учись на “отлично”. Смотри за матерью и сестрой, береги их, обо мне не беспокойся»

Душевная ласка в письмах отца, последний наказ его и по сей день сопровождают меня как призыв, чтобы я — плоть и кровь его — следовал его делу.

«Ведь у него же была бронь, зачем он пошел на фронт?» — спросил меня товарищ, когда я был в пятом классе. Тогда я не смог убедительно ответить ему, почему миллионы советских людей пошли на фронт добровольцами. Легко сказать! Знаешь, что такое вера? Это начало всех начал в человеке.

Человек силен, когда верит в благородный общечеловеческий идеал, когда руководствуется им, тогда он готов в любую минуту совершить героический поступок.

Моему отцу было двенадцать лет, когда он сбежал из деревни от отца, торговца вином, и в Тбилиси начал работать в типографии рабочим. В тринадцатилетнем возрасте он уже участвовал в нелегальных собраниях, распространял листовки, боролся за установление советской власти в Грузии. Затем с увлечением отдался строительству новой жизни — был типографщиком, газетчиком, печатал книги и все больше проникался верой в добрые идеалы. Эта вера была не пустословием, а делом строительства новой жизни, участником которого он сам был.

Не знаю, как назвать человека, который ни во что не верит. Но знаю, как назвать человека, который уверовал в самый высокий идеал человечества — коммунизм. Отец гордился, что был коммунистом. И как он мог не пойти на фронт, когда его вере в идеал, его Родине грозило уничтожение. Есть единственный путь выразить истинную любовь к Родине — действовать ради ее блага. В отцовской вере в Родину находилось место и нам, его семье: жене, детям, близким, которые нуждались в защите. Поэтому он пошел на фронт добровольцем.

Я дам тебе фронтовые письма моего отца, дам еще тетради с протертыми, пожелтевшими листками, в которых твой дедушка, отец матери, скончавшийся за пять лет до твоего рождения, описывает свои фронтовые будни. Вот одна запись. «Мы ужинали, когда внезапно три самоходных орудия “фердинанд”, которые мы уже знали по выстрелам, с ужасным грохотом обрушились на

наше расположение. Около 30 минут длился этот сеющий смерть обстрел. Сколько оторванных кистей рук, сколько человеческих трупов было на земле после этой бомбежки! Стоны, мольба о помощи, вопли предсмертной агонии. Но были люди, которые не дрогнули. Пробитый пулей партийный билет, который достали из нагрудного кармана Науменко, и с не высохшими еще каплями крови карточка его маленького сына свидетельствовали о том, куда попала смертельная пуля. Часто во время отдыха где-нибудь в землянке Науменко доставал фотографию единственного сына и долго, очень долго смотрел на это детское лицо, а потом говорил: «Если погибну, оставьте фотографию эту при мне». Человек, который в боях был воплощением стойкости и надежды, оказался очень нежным и чувствительным отцом.

Ты многое должна будешь рассказать своим детям об их предках, иначе как вырастишь их любовь к Родине? Разве достаточно уметь любоваться красивыми горами, чтобы ощутить эту землю как родину? Человек любит своих предков. Чаще бывай на могиле дедушки, моя родная, ходи и на могилу неизвестного солдата, как будто это потерянная могила моего отца. Положи букет цветов и задумайся на несколько минут о своем долге перед ними, и своих детей в будущем наставляй, чтобы они так же поступали.

…Я совсем забыл, с чего начал! Ну конечно, я рассказывал тебе сказку об утенке… Да не об утенке, а о гадкой девчонке. «Кто будет смотреть за этим гадким созданием?» — спросила мама, когда младенец так старательно дрыгал ножками, что вылез из пеленок. Бабушка осторожно взяла его и опустила в ванночку с теплой водой. «Гадкое создание» начало барахтаться и забрызгало бабушку. «Ах, ты и в самом деле гадкая!» — рассмеялась бабушка.

Тогда бабушка была моложе, за последние годы она сдала, обе бабушки сдали. Они состарились.

Знаешь ли ты, что такое старость, возраст? Морщинки на лице или седые волосы? Нет, возраст и морщинки — это еще не старость. Старость — это память о прожитой жизни, горечь о потерянных людях, тревожные, беспокойные думы о будущем детей, внуков, умудренно наивный протест: как еще может существовать где-то зло, почему его не уничтожат немедленно.

Ты, случайно, не спрашивала одну из бабушек, какой сон она видела ночью? По-моему, в сновидениях нынешних бабушек чаще всего оживают истории сорокалетней давности — война, голод, нужда, поток слез из-за гибели близких.

Бабушки — самые миролюбивые люди на земле. И не потому, что они физически ослабли, себя берегут, а потому, что ими испытана, пережита необычайно большая и сильная боль: они

потеряли мужей, детей, братьев, близких. Поэтому, подобно ангелам-хранителям, они оберегают, лелеют оставшихся в живых, тех, кто пришел на смену их поколению. Защищают человечество, планету…

Жила-была… Эх, ускользнула сказка!..

Как я хотел рассказать тебе веселую сказку о гадкой девчонке, но, оказывается, очень трудно рассказывать сказку в день 22 июня! Не обижайся, пожалуйста, я расскажу ее тебе в следующий раз.

Твой отец

Письмо восьмое
Судьба

Добрый вечер, моя милая девочка!

Вот уже несколько дней, как я потерял покой: одно письмо, которое получил от девушки, твоей сверстницы, заставило меня задуматься о твоем будущем и о судьбе этой девушки.

Моя мать — твоя бабушка — часто говорила мне: забота родителей растет вместе с детьми. Раньше, когда я был молодым и неопытным отцом, мне все казалось наоборот. Вот, думал я, вырастут наши дети, и у нас, родителей, убавится забот, они позаботятся о нас. Но это, оказывается, было заблуждением. Возможно, вступающему в жизнь юноше кажется излишней и назойливой забота родителей. Я сам против мелочной опеки и бесконечных нравоучений. Однако собственный опыт убедил меня: то, что мне говорила твоя бабушка, — это закон родительского сердца…

Жизнь, в которую ты вступаешь, красива и интересна, но сложна и полна неожиданностей. Мы почему-то привыкли рисовать подросткам действительность розовыми красками и как можно дольше держать их вдали от жизненных невзгод и трудностей. Так поступают учителя в школе, так поступаем мы, родители. И ребенок растет в этой воображаемой розовой стране, и ему кажется, будто все вокруг, все люди существуют лишь для того, чтобы строить его счастье. А ведь сегодняшняя действительность создана страданиями, трудом и кровью многих поколений, чередованием их радостей и бед. Будущее же будет создано нашим трудом, борьбой, преодолением препятствий, радостью и грустью.

Гуманное воспитание, которое я отстаиваю, вовсе не означает, что надо ласкать и лелеять детей, пичкать их как птенцов, тысячу раз пережеванным и стерильным умственным и физическим кормом.

Гуманное воспитание не означает также, что из-за боязни, как бы наши птенцы не перепугались, мы станем прятать их под нашими крыльями, чтобы они не увидели, как пошел град и уничтожил виноградники, как орел схватил зайца и растерзал его на куски…

И наконец, гуманным воспитанием будет то воспитание, когда постепенно, но упорно и настойчиво мы будем знакомить ребенка со светлыми и теневыми сторонами жизни, с добром и злом, внушать веру в победу добра, убеждать, что в нашей

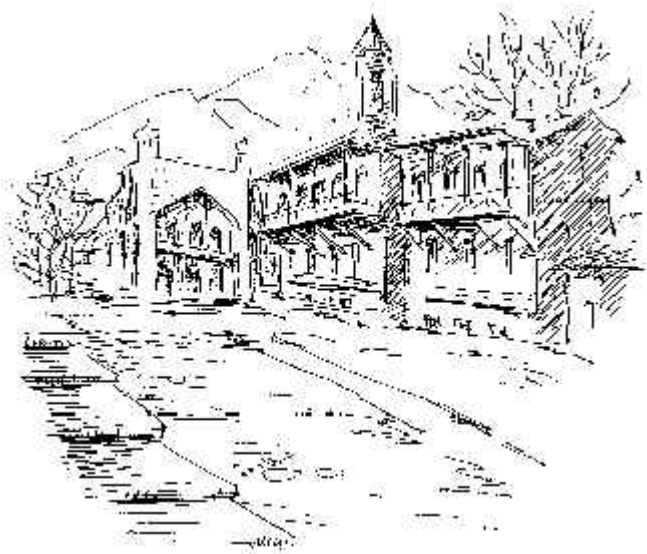
общественной жизни ему, когда он вырастет, предстоит решить свою долю задач, что у него много дел впереди. Он и сам должен понять, какие тени нужно уничтожить, какое зло искоренить прежде всего, какой свет усилить и какое добро упрочить. Мы должны научить его, как идти по жизненному пути, не боясь трудностей, и как найти судьбу, точнее, как выковать собственное счастье.

Я ведь рад, что ты уже взрослая!

Но я и боюсь! Боюсь, чтобы чувство взрослости, стремление к самостоятельности, самоутверждению не привели тебя, девушку, находящуюся в «мартовском» возрасте, к такому недоразумению, которое может искривить твою жизнь.

Я понимаю, что в жизни каждого человека есть свои трудности. И ты не избежишь их. Даже наоборот: чем активнее и добрее ты будешь, тем больше трудностей ты встретишь на своем жизненном пути, увеличится и бремя обязанностей. Меня не порадует, если ты будешь избегать трудностей, обходить их, закроешь глаза на них, если ты будешь пытаться облегчить свою жизнь, строить свое счастье за чужой счет.

Некоторые считают, что счастье — это неожиданный случай, который вдруг постучится в дверь и наполнит тебя радостью. Утверждают еще, что судьба у каждого написана на лбу и что суждено, то и сбудется. Тогда мы ничто на этой земле, и какая-то неведомая сила, забавляясь, играет нами, а мы думаем, что боремся, побеждаем и терпим поражение, — что-то находим и что-то теряем…



Человеческий разум не сможет примириться с таким пониманием бытия. И если бы прошлые поколения жили, надеясь на чудо, тогда, уверяю тебя, сегодня бы мы сидели в пещерах и главными орудиями нашего существования были бы камни и дубинки.

Нашу собственную судьбу и судьбу друг друга мы сами должны творить и одновременно уметь увидеть, что, оказывается, люди уже до нашего рождения позаботились о нашем счастье.

В конце концов, что такое счастье? Скороспелое и неожиданное исполнение самого заветного желания?

Кто может сказать, что счастлив? Неужели кто не шевельнул даже пальцем в своей беззаботной жизни?

Хорошенько подумай, доченька, над тем, что я скажу тебе: счастье — это следование возвышенным целям и стремление к той радости, которую доставишь людям; тогда и они подарят тебе взамен собственную радость. И ты не удержишься и воскликнешь: «Я счастлива!»

Нужны годы, моя девочка, чтобы добиться счастья, а для роковой ошибки достаточно и вспыхнувшего минутного безрассудства, недальновидности и безволия. И тот роковой миг, который может сломать твою жизнь, будет преследовать тебя как сожаление о безрассудно утерянном прошлом…

Много раз перечитал я письмо, которое прислала мне семнадцатилетняя женщина. Мне кажется, что писала она не чернилами, а слезами. И у меня сердце сжималось при чтении его. Сейчас я прочитаю тебе это письмо и знаешь, о чем попрошу? Попробуй поставить себя в ее положение. В твоем сердце одновременно должно забиться и сердце другого человека, в твою жизнь должна вселиться ее жизнь. Лишь в этом случае возникнет в тебе истинное сочувствие, лишь тогда обретут силу твои утешительные слова. И в этом сострадании, сочувствии, заботе и печали ты возвысишься как человек.

Вот это письмо.

«Пишу Вам с той надеждой, что Вы будете более требовательны по отношению к своей дочери. Прошу прочитать его так, будто я Ваша дочь. Ведь самовольство, своеволие и упрямство могут привести ее к тому, к чему я сама пришла. Как было бы хорошо, если бы мой отец в тот злосчастный день преградил мне путь, стал в дверях и сказал бы: «Пока не образумишься, никуда я тебя не пущу!» Сейчас он страдает, но уже поздно. Он только и повторяет: «Глупая девочка, почему ты ни о чем не спросила меня?» А разве помогут мне его слова, полные упреков и горького сожаления? Сейчас и я вижу, что поступила нелепо, но невозможно вернуться в прошлое или

начать новую жизнь!

Скоро мне исполнится восемнадцать. Учусь я в десятом классе вечерней школы. Жизнь у меня невеселая — в этом возрасте я уже ни во что не верю. А ведь какие надежды, какие мечты у меня были! Два года назад я чувствовала себя на седьмом небе, была влюблена, одурманена, витала в облаках. Оказывается, в действительности я не была влюблена, все это был мираж. Иначе куда могла исчезнуть любовь, зачем она должна была превратиться в такое горькое чувство — ненависть?

Я была в девятом классе, когда вышла замуж. Муж мой очень грубый и бессердечный. У меня уже двое детей. Сейчас всей семьей снимаем комнату. Работаю, мучаюсь, чтобы как-нибудь вырастить детей. Супруг (можно ли его назвать супругом?) пьет, нигде не работает. Все время нахожусь в страхе, что вот придет и обидит меня, накричит на детей, заставит их плакать. Но что делать, терплю все. Мне стыдно писать об этом, но и таить боль в сердце не в силах.

Ничего радостного и доброго я не могу вспомнить в своей жизни. Будь проклят день, когда я считала себя счастливее всех и сделала необдуманный шаг! Если б в тот день отец запер меня в комнате, сегодня не была бы я такой несчастной…

Сижу на уроке, казалось бы, слушаю, но мыслями я с моими детьми. И еще охватывает меня страх предстоящей встречи с мужем. Если опоздаю, он меня выругает, а может и ударить — почему, мол, опоздала, где была. А я нигде не была. Как только заканчиваются уроки, бегу к остановке автобуса. Разве я виновата, что автобус не приходит вовремя? Иногда он и на работу приходит, и если ему скажут, что я вышла по делу, то, не дай бог, за этим последуют скандал и неприятности. Обо всем этом я думаю на уроках, а иногда так отключаюсь, что ни одно слово учителя не доходит до меня. Почему моя жизнь такая? Почему я должна бояться мужа, когда никаких проступков не совершаю, веду себя достойно, тружусь изо всех сил, и в семье, и на фабрике?

Хорошо, когда в жизни можешь вспомнить много приятного и интересного, а моя жизнь пока что горькая. Хочу воспитать своих детей достойными людьми. Постараюсь внушить им, чтобы никогда и никого не делали несчастными. Но мне нелегко будет вырастить детей, когда муж совсем не заботится о них, а среди близких у меня никого нет, кто помог бы, поддержал, ободрил меня. Когда ночью ребенок начинает плакать, муж кричит: “Встань, заткни глотку этому дураку!..”

Мое прошлое и настоящее так беспросветны, что рассеивают все радужные думы о будущем. Говорят, человек живет будущим.

Но можете представить, каково мое положение, если я не вижу будущего».

Вот и «судьба»!

Кто и как докажет, что именно это было предначертано девушке, которая скрывает свое имя?

Я оптимист и верю, как бы ни была сейчас надломлена ее жизнь, впереди у нее широкая дорога, и она многое может исправить. Правда, ей придется набраться сил и терпения, но все-таки она сможет выковать свое новое счастье и судьбу. Я надеюсь и на то, что может быть, ее муж образумится, может, старшие вмешаются и помогут урегулировать их семейные отношения, наставят, научат, как жить, как понимать друг друга… В крайнем же случае молодая женщина разойдется с мужем, который так безжалостно разрушил ее надежды, и начнет новую жизнь, вырастит детей, будет трудиться, учиться. Верю и в то, что она встретит в жизни человека, который поймет ее, станет ее опорой. И вновь родится семья, но основанная на этот раз на истинной любви и дружбе.

Верю, что так произойдет в будущем. Но не само собою. Чуткость и честный труд юной женщины, ее сила воли, целеустремленность создадут это будущее. Я также хорошо знаю: трудно внушить эту веру человеку, который только что столкнулся с горечью, с изнанкой жизни. Время все исцелит. Говорят, время исцеляет. Но не само время исцеляет израненную душу и сердце — главными врачевателями становятся люди, любящие, ласковые, заботливые, добрые, чуткие.

Почему оказавшаяся в беде молодая женщина пишет мне письмо? Она не просит ни помощи, ни совета, напротив, сама мне помогает: рассказывает о свой жизни с тем добрым намерением, чтобы я больше заботился о тебе. Она пишет, чтобы я был требователен к своей дочери, предупреждает меня. Спасибо, дорогая незнакомая маленькая мама, за добрый совет! Ты права: и я, и все отцы и матери должны быть более требовательными к своим детям. Мы, конечно, должны сначала советоваться, и если мы видим, что взбудораженные, переполненные эмоциями юноша

или девушка, может совершить необдуманный поступок и в результате стать несчастным, в чем и будут потом обвинять — где, мол, вы были, родители, — у нас должно хватить силы воли обратиться к нашему родительскому праву, поступить так, как подскажет нам наше родительское сердце.

Да, мы, родители, должны быть более требовательными!

Когда девятиклассница пытается убежать из дому и выйти замуж, разве она думает о том, что ее любовь может лопнуть как мыльный пузырь и обратиться в ненависть? Как она может представить это, если у нее нет опыта, если она незнакома с жизнью, не прислушивается к советам взрослых? Или откуда ей знать, что через год-два ей придется нянчить новорожденного? Ведь не будут сидеть эти новорожденные на бархатном диване, подобно куклам, а будут они кричать, пачкаться, шалить, болеть коклюшем или краснухой!

А этот муж… Может ли одурманенная эмоциями девушка предвидеть, что ее избранник, который сейчас является олицетворением мужества, благородства, любви, завтра окажется эгоистом и лгуном?

Нет, она не может представить этого. Не может ни представить, ни предвидеть, потому что чувства в это время подобны огню, который пылает в камине, а разум и предусмотрительность сгорают в этом огне. Может быть, и ему, обуреваемому чувствами юноше, кажется, что он влюблен?

Вот так и возникает роковая ошибка!

Как ты думаешь, моя родная, что еще должно означать ее предупреждение — будьте более требовательны к дочери? По-моему, девушка упрекает и своего отца: «Почему вовремя не вмешался, почему не запретил то, что тебе не нравилось, почему не догадался, что я готова совершить роковой шаг?» Ведь необязательно перевернуть арбу, чтобы увидеть дорогу. Зачем же тогда существуют родительское сердце, опыт, знания?

Часто думаю: как тревожно родителям предоставлять юному человеку свободу действий, для того чтобы горькие жизненные уроки заставили сожалеть о собственной близорукости, научили уму-разуму, прибавили опыта. Нет, предпочитаю, чтобы у тебя меньше было в жизни горьких, роковых ошибок (или вовсе не было их). Зато пусть будут у тебя содержательные, заполненные трудностями уроки жизни, которые станут ступенями в осознании твоего женского долга, в росте гражданственности, творчества. Конечно, для этого и нужна молодому человеку воля, чтобы он приобрел жизненный опыт, стал самостоятельным. Но какими же мы будем родителями, если дадим волю упрямству сына (дочки), чтобы он (она) навлек на всех беду, сделал несчастными и себя и

других!..

К тебе тоже придет любовь, моя родная, и тогда все в тебе всколыхнется, ты потеряешь покой! Великое это чувство — любовь. Как будто вырастают крылья, ты не ходишь, а летаешь, на все вокруг смотришь влюбленными глазами. Если любишь и он тоже любит тебя, тогда ты на вершине счастья; если ты любишь, а он — нет, тогда мучительные переживания ожидают тебя. Любви не скажешь: «Не приходи, мне пока некогда!» Ее и не нужно искать. Живи, учись, трудись, будь веселой, жизнерадостной, доброй, общайся с людьми, не забывай быть нежной и простой. И любовь придет к тебе. Она придет не сама собою, ее зажгут твое благородство, нежность, труд. И хотя любви не ставят условия, в проверке она все-таки нуждается.

Юноши и девушки часто принимают за любовь увлечение чисто внешними качествами: красивая, голубоглазая, веселая, со вкусом одевается и т. д. Потом наспех создается семья. Но спустя два-три года, может, через два-три месяца оказывается, что внешнее очарование, с которого все началось, растаяло, как первый снег. А если к тому же всплыла и скудость духовной общности, любовь начинает разрушаться.

Любви требуются испытания на прочность, чтобы не получилась игра в любовь. А эта игра в любовь — вовсе не шутка, то же самое, что землетрясение. Как землетрясение разрушает плохо построенные здания, так и игра в любовь изнашивает чувства, колеблет веру, коверкает судьбу и, наконец, калечит человека.

…В твое сердце тоже нагрянет любовь, моя девочка, и давай условимся: будем дружить, доверять друг другу, будем поступать так, чтобы твоя любовь сделала счастливой не только тебя, но и многих других. Тогда не понадобится мне напоминать о своих правах, и мы не измучаем друг друга упреками.

Не сердись на меня за такое взволнованное письмо.

Твой отец

Письмо девятое
«Огорченье — горя сеть…»

Добрый вечер, моя милая девочка!

Сколько же мы смеялись сегодня!

Пришла твоя тетя и сказала: «Хорошо, что тебя тогда не было, зря потеряла бы время, портниха уехала за город!»

И мы все не могли сдержаться, дружно расхохотались. Тетя смотрела на нас с изумлением: «Что с нами случилось, что я такого сказала?!»

Оказывается, портнихи вообще не было в городе, а у нас тут кипели страсти, что только не пережили! А мы не просто смеялись, мы радовались, что есть возможность вернуться к миру в доме. Знаешь, что мне говорил твой смех? «Какая же я глупая, сколько неприятностей возникло из-за меня и ради чего?!»

Да, и смеясь можно извиниться, выразить сожаление, наказать самое себя. Твой смех был извинением, наш — прощением.

Но ведь еще могут возникнуть обстоятельства, когда «мартовский» возраст вновь даст о себе знать? И тогда начнутся новые неприятности, новые недоразумения… И какая у нас надежда, что каждый раз все кончится смехом и те неприятности, которые мы перенесли, целиком будут стерты?

У человека есть благородное умение (впрочем, к сожалению, не у всякого) — умение прощать. Но мы не в силах тут же забыть то, что простили. Простить — значит с сегодняшнего дня во взаимоотношениях с тобой забыть про все обиды. Но от нас не зависит забыть об этом. Не существует такой резинки, которая может стереть из памяти то, что нас мучит, мешает, что мы хотели бы забыть навсегда.

Как ты думаешь, отчего заболевают люди? От обиды тоже, вызванной грубым, жестоким словом, моя девочка!

Человек прошел всю войну, в легких застрял осколок мины, но он все вынес. И вот в мирное время, на работе начальник бросил ему безжалостные слова: «Бродишь без толку, сделанное тобой приходится делать заново!» Сказанное прошло сквозь сердце и завершило то, что не смогла сделать вражеская пуля. **Мы должны беречь друг друга. Вернее, так жить, чтобы непрерывно делиться с людьми собственной жизнью: сочувствовать, помогать, облегчать боль и страдания, множить радость, отказывать себе и давать другим — это наш долг, человек человеком силен.**

Сегодня ты так искренне смеялась, что можно будет без опасения затронуть больное место — вспомнить тот эпизод, который произошел неделю назад и наполнил всех нас горечью и обидой. Вспомнить для того, чтобы и тебе разъяснить, и самому разобраться в ошибках, допущенных в наших взаимоотношениях. И тебе и нам надо понять, чем было вызвано недоразумение, могли ли мы избежать его, как вести себя в будущем. Ведь и ты хочешь этого: разве я не видел, как ты была расстроена и тревожилась все это время, не находя выхода? Давай так посмотрим на все это, как будто не о тебе идет речь, а о ком-то другом, о незнакомой тебе ровеснице. Тем более что подобные истории ежедневно происходят во многих тысячах семей и сердца сотен людей наполняются обидой и болью.

С первого взгляда будто ничего особенного не случилось. Вот какой диалог состоялся в тот день в нашей квартире.

Ты. Я иду к портнихе, тетя ждет меня в половине первого!

Мама. Куда ты пойдешь? Ты ведь сама слышала, что транспорт не будет работать? И заниматься надо, готовиться к консультации…

Ты. Ничего подобного, работает транспорт, работает… Пойду, пойду!..

Мама. Никуда ты не пойдешь, у тебя и так много дел!

Ты. Нет, пойду!

Бабушка. В чем дело?

Ты. Оставь меня в покое!

Бабушка. Что такое? Что случилось?.. Не хочу с тобой

разговаривать!..

Брат. Послушай, ты что разошлась, как ты разговариваешь. Извинись перед мамой и бабушкой.

Мама. Послушай, ты же умная девочка…

Ты. Нет, не умная… О чем слушать… Что случится, если мне сошьют одно платье? Почему вы не хотите, чтобы мне сшили платье?!

Отец. Хорошо, иди, доченька, к портнихе… Я попрошу маму, чтобы она отпустила тебя…

Ты. Не хочу, не пойду, и на консультацию не пойду, и учиться не буду, не подготовлюсь к контрольной… И экзамены не сдам… И вообще уйду из дому, раз вы так хотите…

Вот и все. Постараюсь беспристрастно оценить происшедшее.

За несколько дней до этого тетя купила тебе отрез на платье. Какая девушка не рада сшить себе новое платье? И ты с нетерпением ждала, когда тетя возьмет тебя к портнихе. Отрез всем нам понравился. В разных журналах мы вместе искали подходящий фасон для платья. Наконец на одном остановили свой выбор.

В тот день бабушка послала тебя за хлебом. Ты воспользовалась случаем, позвонила тете из автомата и, не спросившись нас, договорилась, что зайдешь к ней и вы вместе пойдете к портнихе. Ты, радостная, вернулась домой и, открыв дверь, весело сообщила: «Я иду к портнихе, тетя ждет меня в половине первого!»

Конечно, ты была одержима тем нетерпением, которое зачастую свойственно «мартовскому» возрасту. Это нетерпение заставляет все позабыть, кроме того, чем оно вызвано. Исчезает куда-то и умение сдерживаться. Подростку кажется, что все, кто призывает к сдержанности, намеренно хотят помешать желаемому. Что необходимо в это время, чтобы помочь ему прийти в себя, вернуться к здравому смыслу? Терпеливая педагогика, которой мы, родители, очевидно, еще не очень владеем.

Кто же тогда был дома? Все. Я работал в своей комнате. Твой брат готовил доклад для студенческого научного кружка. Бабушка с утра хлопотала на кухне — готовила обед, а мама лежала — у нее болела голова.

На твою радость я словами не откликнулся, потому что не хотел прерывать своих мыслей. Кроме того, режим твоего дня лучше всех знает твоя мама. В тот день тебе была назначена консультация по русскому языку. Если бы ты пошла к портнихе, то могла опоздать на консультацию. На следующий день предстояла письменная контрольная работа, и к ней надо было

готовиться.

А накануне вечером ты и мама обе слышали по радио, что девятого мая на центральных улицах города (и там, где живет тетя) движение прекращалось в первой половине дня. Маме казалось, что объявили до двух часов, а ты помнила, что транспорт не должен был работать до 12 часов. С этого и начался конфликт.

Мама сочла, что ты забываешь о главных делах и переносишь внимание на наряды. Поэтому и сказала раздраженно: «Куда ты пойдешь… Ты ведь сама слышала, что транспорт не будет работать. И заниматься надо, готовиться к контрольной…»

Ты не ожидала, что кто-то воспротивится тебе. Консультация? Контрольная? Что говорить об этом, когда тетя ждет, чтобы вместе пойти к портнихе!

Ты хорошо знаешь: мама была права. Платье не было срочным делом, а пропустить консультацию в самом деле было бы некстати: конец учебного года, девушка заканчивает школу, приближаются экзамены, в школе выставляются последние отметки, и результаты контрольной для тебя очень важны. Да, мама была права — каждый час того дня для тебя был дорог. Однако для тебя, одержимой нетерпением, эти часы перестали быть значительными для будущего и заполнились сегодняшней радостью. Но **какая же это будет мать, которая хоть на мгновение забудет о будущем дочери.**

По-моему, мама не предполагала, что в ту минуту над тобой одержал победу каприз «мартовского» возраста, и потому таким категоричным тоном напомнила о твоих делах. Конечно, было бы лучше, если бы мама более мягко сказала: мол, по таким-то и таким-то причинам, доченька, может быть, не стоит сейчас идти к портнихе.

Все равно ты бы огорчилась, однако не произошло бы того, что случилось: ты упрямо и грубо ответила маме: «Ничего подобного, работает транспорт, работает… Пойду… пойду…»

А не лучше ли было спокойно, ласково (ты знала, болела голова) объяснить: «Мамочка, транспорт правда работает, движение было прекращено только до 12 часов. И я все успею: и подготовиться к контрольной, и пойти на консультацию, только сейчас отпусти меня к портнихе, мне не терпится, мне так хочется сшить новое платье!»

Мама, возможно, согласилась бы, возможно, и нет, но тем не менее мы непременно избежали бы последующих неприятностей.

Твой несдержанный ответ еще больше обидел маму. Конечно, ты можешь возразить: все равно надо было разговаривать спокойно. Но события порой так быстро разворачиваются, что не

успеваешь оценить их. К тому же где запастись терпением, чтобы его хватало на все дни, на все годы детской жизни. Мать многое стерпит и уступит пяти-, десятилетнему ребенку: он ведь еще не набрался ума. Но в пятнадцати-шестнадцатилетней девушке мать уже ищет сочувствующего, понимающего, чуткого друга. Поэтому обращается к дочери как к взрослой, которая обязана действовать предусмотрительно и разумно. Разве мама сердится? Нет. Она ласковая, понимающая, справедливая, трудолюбивая. Сейчас же, потеряв терпение из-за твоей грубости, она категорически заявляет: «Никуда не пойдешь, у тебя и так много дел…» А ты: «Нет, пойду!»

События еще более накаляются. На шум выходит бабушка и спокойно спрашивает тебя: «В чем дело?» А ты кричишь: «Оставь меня в покое!» Я говорю: «Кричишь», слышишь? Подумай только, на кого ты кричишь? Кому же, как не тебе, заботиться о бабушке, беречь ее? Да и запомни, дочь: если ты однажды проявишь грубость и кто-то сразу же не остановит тебя или тобою не овладеет чувство сожаления, тогда дальше ты даже можешь и не почувствовать, что поступаешь грубо.

Услышав твой ответ, бабушка так растерялась, что только и смогла сказать: «Не хочу с тобой больше разговаривать!» Ее глаза наполнились слезами, и, дрожащая, она опустилась в кресло.

И опять все могло бы уладиться, если бы ты сумела переломить себя, обняла бы бабушку и ласково сказала: «Прости, моя дорогая бабушка, я не хотела тебя обидеть!» Но этого не случилось.

Брат оставил свои дела и спокойным, строгим голосом сказал тебе: «Послушай, что ты разошлась, как ты разговариваешь! Извинись перед мамой и бабушкой!» Хоть бы послушалась ты своего брата! Но теперь ты и на него набросилась: «Отстань от меня… Зачем я должна извиняться… Ни перед кем не извинюсь!»

Мама хотела успокоить тебя: «Послушай, ты же умная девочка…» А ты уже не могла сдержать себя: «Нет, не умная… О чем слушать… Что случится, если мне сошьют одно платье? Почему вы не хотите, чтобы мне сшили платье!..» И заплакала.

Я уже не мог продолжать работу, не знал, что делать. Мне казалось, что ты держишь в руке пистолет, заряженный горькими, обидными словами, и безжалостно стреляешь и стреляешь. Да, знаешь, моя девочка, слово, начиненное злобой, грубостью, — оно даже хуже пули. Пулю можно вынуть, а слово может остаться в душе навсегда. Когда кто-нибудь начинает бросать такие слова в другого, другой, случается, потеряв терпение, хватается за то же оружие. А раздраженные люди не могут слушать и понимать друг друга.

Я пытался вмешаться в дело, хотел успокоить тебя, сказал: «Хорошо, иди, доченька, к портнихе… Я попрошу маму, чтобы она отпустила тебя…» Ты уклонилась и от ласково протянутых рук, не прислушалась к моим словам, бросив: «Не хочу, не пойду, и на консультацию не пойду, и учиться не буду, не подготовлюсь к контрольной… И экзамены не сдам… И вообще уйду из дому, раз вы так хотите…»

Именно подростки «мартовского» возраста умеют так: если родители сделали им строгий выговор, в тот же миг они уже никого не любят, даже родителей, им кажется, что и родители не любят их, и возникает мысль о бегстве из дома: «Так вам и надо, живите теперь без меня!» Некоторые и бегут. Девочки прячутся у родственников, друзей, мальчики могут оказаться в другом городе. Не всегда добром кончаются подобные «приключения».

Чтобы разрядилась обстановка, чтобы мы успокоились, я нахожу единственный выход — прекратить спор с тобой и показать тебе, как мы ранены твоими словами. Удрученные и обиженные, мы оставляем тебя в покое и возвращаемся к своим делам.

И двух минут не заняли эти пререкания, но как тяжело стало на сердце. Немного погодя, видно, ты и сама сожалеешь о том, что произошло. Но разве легко восстановить общение, разрушенное в семье? Сколько веков нас учит этому Руставели:

Точно сказано в науках:

— Огорченье — горя сеть.

Убежало из дому бодрое, веселое настроение. Мы хотим вернуть его, но и нам нелегко простить тебя.

Пока что единственное лекарство, исцеляющее раненое сердце родителя, — ласка дочери (сына), которая пронизана переживанием вины.

Прежде, когда ты дулась на нас, мы тебя ласкали. А сейчас твоя очередь: мы уже не считаем тебя ребенком…

Так безрадостно миновало несколько дней, пока не пришла тетя и не выяснила, что спорили и страдали мы понапрасну. Мы смеялись и чувствовали, как все мучались и как жаждали веселых, откровенных, добрых взаимоотношений, как хотели, чтобы в нашей семье был собственный «голубь мира».

Один тревожный урок помогает нам приобрести важнейший опыт общения и любви. Надо только знать, какие выводы сделать. Каким же он стал для тебя?

Твой отец

Письмо десятое
«Люб разумному учитель»

Добрый вечер, моя милая девочка!

Как закончился ваш выпускной вечер? Представляю, сколько вы смеялись, веселились, шумели… Наверное, вспоминали разные интересные события из вашей жизни и, осмелев (теперь уже ничего не будет!), спрашивали учителей: «Помните, уважаемая В.Н., как однажды вы попросили меня привести отца. Как бы я посмел сказать ему, что его вызывают в школу? И привел соседа — мол, это мой отец… А в прошлом году пропал журнал, знаете, куда он исчез? В том журнале было столько двоек, что он сгорел от стыда!» Что учителя могли ответить вам? Наверное, они смеялись и прощали вам, что им оставалось еще делать?

Понравилось ли друзьям твое новое платье? Ты была такой красивой в нем, похожей на лебедь. А помнишь, как ты тревожилась из-за него — портниха, мол, не успеет. И произошел у нас конфликт. И на мое письмо «Огорченье — горя сеть» ты тоже поначалу обиделась. Я ведь пишу письма тебе не для того, чтобы рассказывать, какая ты умная и хорошая, а для того, чтобы помочь тебе понять себя и других, научиться разбираться в людях. Сегодня вся семья была занята тем, что обслуживала тебя: бабушка делала вышивку на бальном платье, мама готовила праздничный торт, брат читал тебе наставления, как вести себя на выпускном вечере (ты снисходительно слушала его), а я писал это письмо. На вечер проводил тебя брат, а поздно вечером я зашел за тобой и привел домой — счастливую, довольную и усталую.

Вот и остались позади одиннадцать лет школьной жизни. И пока ты была на балу, я думал об этих годах, думал о том, какой путь прошли все мы вместе: и дочь, и родители, и все твои учителя. Этот одиннадцатилетний путь воспитания был, пожалуй, верным, но, думаю, некоторые его отрезки можно было лучше прожить.

Мы, воспитатели, никак не можем избавиться от одной ошибки: недостаточно внимания уделяем развитию личности подростка, его жизненной позиции, жизненных планов, как будто надеемся, что все это само собою последует за хорошими знаниями. О чем говорит аттестат об окончании средней школы? Мы допустим большую ошибку, решив, что этот аттестат, в котором нет ничего другого, кроме перечня учебных предметов и соответствующих цифр, обязательно подтверждает готовность

выпускника к жизни. Аттестат в том случае станет выразителем зрелости подростка, если мы будем знать, что его обладатель может и любит трудиться, у него развиты чувства долга и ответственности, его устремления направлены на общественное благо, а не только на желание достичь собственного счастья. Словом, аттестат должен говорить не о том, какие знания гнездятся в голове того или иного выпускника, он должен представлять его как целостную личность и благородного человека.

Однажды, помню, ты вернулась из школы вся в слезах — у тебя вышел конфликт с учителем истории. Из-за чего? Конечно, из-за отметки. Учитель поставил тебе «3», ты же несдержанно возразила: «Я сомневаюсь в объективности вашей оценки!» Учитель обиделся и выпроводил тебя из класса. Ты плакала: «Не буду ходить на уроки истории, он несправедливо ставит отметки, придирается ко мне». «Люб разумному учитель, доченька моя, от него глупцам беда!» А если бы ты задумалась: что же ждал от тебя и всех вас учитель? Он недавно пришел к вам и тщательно готовился к урокам, искал новые методы преподавания. А вы, девятиклассники и девятиклассницы, с первых же минут урока старались сбить молодого учителя: «А.С., не можете ли вы сказать, сколько стоит ваниль?», «А.С., вы в детстве играли в баскетбол?» Не давали ему возможности хорошо объяснить урок, а затем ликовали, радовались, что вывели учителя из терпения. И вас вовсе не тревожило, что знания, с которыми он пришел в класс, до вас так и не дошли. Если бы вы дали ему возможность освоиться, вы бы увидели, какой у вас хороший, добрый, душевный учитель, как он стремится дружить с вами. Природа учеников такова: все вы всегда и во всем считаете себя правыми, а отметки, которые вам не нравятся, несправедливыми. Ты споришь с учителем не о достоверности исторических фактов, а об отметке, не о логике решения физических задач, а об отметке, для тебя главное — не правильность формулы химической реакции, а отметка.

«Люб разумному учитель…» А если было бы все наоборот. «Уважаемый учитель, пожалуйста, помогите разобраться, понять, решить, еще, еще, я не устала, если только вас не утомила моя любознательность! Что поделаешь — пока я все не пойму, не отстану от вас!» Да, люб разумному учитель…

Хорошо знала Наргиза Георгиевна, что ты не станешь математиком. Но ведь она должна была вселить в тебя веру, что ты можешь познать математику, иначе ее уроки стали бы для тебя мучением. Поэтому нарушала она инструкции и несколько раз предупреждала нас: пусть ваша дочь хорошо подготовится, хочу вызвать ее. Этот секрет мы тебе, конечно, не раскрыли, но проверили, как ты выполняешь задания. А потом произошло чудо: оказывается, Наргиза Георгиевна — прекрасный учитель и необычайно добрый человек. «Ложись, доченька, уже поздно!» — «Нет, я должна подготовить математику, неудобно перед учительницей!»

А помнишь, как Капитон Петрович грозно посмотрел на тебя: «Ты не признаешь науку химию? Пусть не буду я учителем, если ты не поймешь, чему я тебя обучаю!» И помог хорошо понять, что без химии нет сегодняшней жизни.

«Для чего мне математика! Для чего мне химия! Для чего физика!» Люб разумному учитель… Даже если ты забудешь многое. Чему учили на этих уроках, ты думаешь, все бесследно исчезнет? Нет, конечно. Останутся развитое мышление, умение творчески трудиться. Спроси кого хочешь, мало кто помнит те стихотворения и рассказы, которые учили в детском саду или в

начальных классах. Может быть, воспитатели зря старались? Зачем они учили тому, что непременно будет забыто? Затем, что в этом учении развиваются ум и сердце, растут понимание и сочувствие. Напрасно думать, школа — нечто вроде склада знаний и главное для ученика — побольше унести оттуда этих знаний. Отношение к жизни, к знаниям, к учителям, друг к другу, развитие в процессе этих взаимоотношений собственных сил, возможностей, способностей, мировоззрения и убеждений — вот самое важное, вот поистине бесценный клад, который школа должна дать подростку. Именно это развитие и полученные в ходе его знания открывают путь к творческому труду.

Я начал с того, что некоторые отрезки одиннадцатилетнего совместного пути мы могли бы прожить лучше. Знаешь ли ты, кто был «невидимка», который посылал тебе книги сказок и письма? Ты пошла в первый класс, когда я впервые прислал тебе книжку сказок и письмо «невидимки». Ты удивилась, быстро прочла сказки и с нетерпением стала ждать новой посылки. Книжки от «невидимки» приходили целый год. Для чего мы это делали? Для того, чтобы у тебя появились интерес к чтению и любовь к книге. Если бы мы стали принуждать тебя читать книги, у тебя, первоклассницы, мог совсем пропасть интерес к чтению, тем более что в нем ты была несильна. Но вот в подростковом возрасте интерес к книгам у тебя снова пропал. Вначале мы не обратили на это особого внимания. Но потом мама заволновалась: что же делать? Она заставляла тебя читать книги. Тщательно подбирала их, беседовала с тобой о них, и в тебе вновь пробудился интерес к чтению. Но ведь сколько времени ускользнуло от нас. Твою тогдашнюю жизнь это обеднило. Сейчас ты уже не сможешь с таким же увлечением прочесть то, что должна была прочитать в 5–7-х классах. Ты в долгу перед книгами.

Внимательнее нам надо было отнестись к твоим урокам труда. Как будто ты и тетрадь завела для кое-каких рецептов по изготовлению блюд и некоторых выкроек. Как будто на уроках вы кулинарничали. Но постепенно становилось ясно, что ты и твои подруги несерьезно относятся к урокам труда. Готовить тебя научили бабушка и мама. И шить тебя бабушка научила и вязать. А что же уроки труда? А чем же были уроки труда? Наверное, вы развлекались, пустословили, возможно, иногда даже пропускали уроки («Все равно ничего не делаем!»). А хорошо было бы на этих уроках побеседовать о роли женщины в семье, о науке управлять семьей, о семейном бюджете и экономике, о бережливости.

Однажды дома ты начала шить передник. «У тебя же есть передник?» — удивилась мама. «Учительница поручила!» Изделие

получилось смешное — вряд ли ты пошла бы в нем в школу. Но досадно было то, что ты его вообще выбросила, а учительница даже не поинтересовалась, как было выполнено ее задание. Философия труда, его эстетика, общественная ценность, особенности женского труда — тайны вот каких проблем вы должны были постигнуть на школьных уроках. И снова я сожалею: почему я как родитель не потребовал у руководителей школы: «Что же делается на этих уроках? Вместо того чтобы возвеличивать труд, они становятся пародией на него? Почему девушки лишены радости от результата труда, удовольствия от вызванной трудом усталости?»

Мое сожаление уже не исправит прошлого, но, может быть, оно встревожит тех родителей, чьи дети еще на школьной скамье.

Итак, прошло одиннадцать лет. Я вижу, ты очень радуешься окончанию школы. Радуешься, потому что вступаешь в новую жизнь. И главное, не боишься этой новой жизни, полна надежд и веры в будущее. И мы полны надежды и веры, что твои мысли о будущем не окажутся скудными и бесполезными.

Кого же мы должны благодарить сегодня, если в тебе есть что-либо хорошее?

Конечно же, твоих учителей.

В первую очередь маму — главного твоего воспитателя, начало твоей души и сердца. Во-вторых, тех добрых людей, которые с редчайшим терпением обогащали и совершенствовали твою душу, ум и сердце. Люб разумному учитель, девочка моя! Поэтому низко поклонимся и произнесем от всего сердца: «Спасибо вам, учителя, за терпеливую любовь и заботу!»

Твой отец

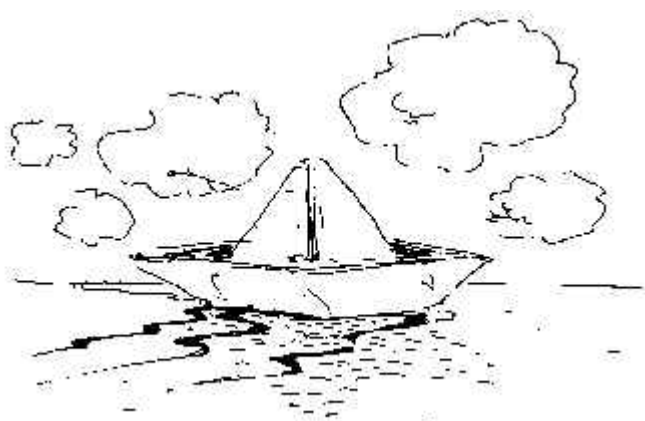
Письмо одиннадцатое
Ecce Homo

Добрый вечер, моя милая девочка!

Как ты привыкаешь к новой, послешкольной жизни? Замечаешь ли, как меняется наше отношение к тебе? Открою один секрет. Мы, члены семьи и близкие, договорились: теперь во всем будем обращаться с тобой как с совершенно взрослой, равноправной.

Я слежу за тобой и вижу: иногда ты дичишься наших новых взаимоотношений, порой обижаешься, когда мы без снисхождения на возраст делаем тебе замечания, высказываем свое неодобрение, иногда удивляешься, когда, например, обращаемся к тебе за советом (плечами пожимаешь и словно в недоумении спрашиваешь: «Что я могу сказать, откуда я знаю?!»), иногда радуешься, если наше доверие превосходит твои ожидания. Нынче у нас, так сказать, переходный период: мы еще не успели полностью свыкнуться с мыслью, что ты уже не школьница, но и ты пока не смогла избавиться от отголосков детства и ученичества. Но, несмотря на некоторые недоразумения, думаю, что все идет хорошо. Думаю, что в моей дочери сдержанность и разум одержат верх над чисто детскими аффектами и эмоциями.

Впрочем, моя девочка, ты более строго и непреклонно должна встречать строптивость своего «мартовского» возраста. Вокруг тебя люди, которые нуждаются в твоей, именно в твоей сердечности, сочувствии и ласке.



Что может случиться, если «мартовская» строптивость одолеет тебя? За этим ничего хорошего не последует. Есть

некоторые детские болезни, которыми болеют раз в жизни. Если мать заботливо ухаживает за ребенком, болезнь быстро пройдет, не оставив никаких последствий. Но если нарушить правила ухода, тогда она может навсегда оставить свой след в жизни ребенка: изуродовать лицо, ухудшить зрение, слух, поразить лимфатические железы.

Ну, а если ребенку тринадцать — пятнадцать лет, он, наверное, и сам должен понимать, что необходимо выполнять предписания врача: говорят — не простужайся, значит не надо раскрываться; говорят — нельзя чесаться и раздражать сыпь на лице, значит, нужно сдерживаться. Рядом с маленьким ребенком, наверное, будет сидеть кто-то из взрослых, чтобы развлекать его и держать под постоянным наблюдением.

Именно так с «мартовским» возрастом: если взрослые внимательны и заботливы, а дети не отвергают этих забот, он может пройти вполне благополучно. И, любуясь девушкой или юношей, мы восторженно произнесем: «Ессе Homo!» — «Вот Человек!» Но если нарушаются нормы общения, будет утрачено взаимопонимание, тогда «мартовский» возраст может вызвать у юноши или девушки свои осложнения: эгоизм, замкнутость, зависть, развязность.

Взрослый не может (и не надо этого!) быть всевидящей нянькой для пятнадцати-шестнадцатилетней девушки. Да и какая девушка потерпит, чтобы взрослые постоянно докучали ей советами и нравоучениями. А опасность «болезней» реальна: победят какие-то эгоистические претензии, покажется девушке, что близкие не в силах понять ее. Откровенные пожелания и замечания взрослых она будет воспринимать с обидой, начнет грубить и раздражаться.

К кому же ей обратиться за помощью — к себе самой: именно она сама, преодолев себя, может найти свой подлинный характер. Как одолеть? Для этого существуют критические суждения о собственных поступках, упражнение в чуткости, сочувствии и простоте, в разумности и предусмотрительности.

По моему мнению, конечная цель воспитания — научить человека преодолевать самого себя, ибо личность рождается в борьбе с самим собой, и первейший долг воспитателя — помочь воспитаннику одержать победу в этой борьбе.

Вряд ли требуется много усилий, чтобы поддаться собственным прихотям, но нужна большая мудрость, чтобы следовать полезным выводам жизненного опыта, этого опыта еще не имея. Сочувствуя чужой боли, ты облегчишь свою, моя девочка, доставляя другим радость, ты умножишь собственную. Такова нравственная философия нашей семьи. Эта философия,

эти правила подобны волшебному зеркальцу: посмотришь в него и увидишь, какова ты и какой можешь стать.

Точнее, этим волшебным зеркальцем являются люди, так как в них воплощены все нравственные принципы. Во взаимоотношениях с людьми ты познаешь самое себя, только во взаимоотношениях с людьми, в совместном труде с ними узнаешь, кто ты, что ты можешь, чего ждут и требуют от тебя, что позволено тебе и что нет. Во взаимоотношениях с людьми поймешь и то, что должна делать в нашей общественной жизни ты. И главное, поймешь еще, что человек живет не только ради самого себя. Заботясь друг о друге, мы поднимаем самих себя на пьедестал человечности. Мы для того и появляемся на свет, чтобы доставлять друг другу радость, вселять надежду, приносить счастье.

Вокруг тебя уже сейчас много хороших людей, в жизни их еще больше. Кое для кого ты чужая — ни ты не знаешь, ни они не знают тебя. Для своих родных ты — сестра, дочь, внучка, племянница, близкий и любимый человек. Для кого-то — знакомая и подруга. И несмотря на то, с кем и какими узами ты связана, знают они тебя или не знают, все равно они от тебя чего-то ждут, требуют, питают какую-то надежду. Старайся, девочка моя, увидеть себя их глазами. К сожалению, в школе не преподают самую важную науку — человековедение, не обучают тому, как понять человека, как проявить сочувствие к нему, как поделиться с ним теплом сердца. Человек в самом высоком смысле слова — тот, кто ради другого, знакомого или незнакомого, горит, как свеча, кто заботится о человеке — близком и дальнем, знакомом и незнакомом, защищает достоинство прошлых поколений, права сегодняшних людей, надежду будущей смены. Иногда ко мне приходит неожиданная и, может быть, странная мысль; если бы все горели друг для друга, тогда и ночь осветилась бы, тогда и слезы утратили бы свою горечь, и каждый из нас жил бы вдвое, втрое дольше. А какие бы чудеса создали люди друг для друга!..

Что требуют люди от тебя?

Я буду говорить не о каких-то высоких требованиях — о самом простом, обыденном. Незнакомые, наверное, ждут, чтобы ты всегда была готова помочь, скажем, женщине, которой стало плохо и она чуть не упала на тротуар; чтобы вежливо и доброжелательно могла объяснить приезжему, как найти улицу, которую он ищет. А может быть, хотят видеть на твоем лице приветливость и доброжелательность, а не безразличие. Знаешь, есть люди, которые и на улице ведут себя так, будто никого не видят или никого ни во что не ставят.

Соседи хотят, чтобы ты первой вежливо приветствовала их, интересовалась их здоровьем, приветливо говорила с ними, не стеснялась обращаться к ним с просьбой. И сама готова была бы протянуть им добрососедскую руку. «Доченька, пойди, пожалуйста, к тете Розе, может быть, у нее есть чеснок, пусть даст немножко!» — «Не могу пойти, неудобно!» Вот это и есть твой «мартовский» возраст: «неудобно, стыдно!» Чего ты стыдишься? Того, что в семье не оказалось двух зубцов чеснока, или того, чтобы поговорить с человеком? А как обидится тетя Роза, если узнает, что стыдишься, стесняешься пойти к ней как к соседке. «Наверное, я не добрая соседка!» — скажет она. А соседство сближает людей друг с другом и делает их друзьями. Сейчас строятся огромные дома, в которых размещается сто, двести, а может быть, триста и более семей. Постепенно исчезают старые дома и дворы, где соседи жили как добрые родственники, деля между собой радость и горе. Примириться с этим — так, мол, складывается жизнь? Нет, не в наших правилах жить без добрых соседей.

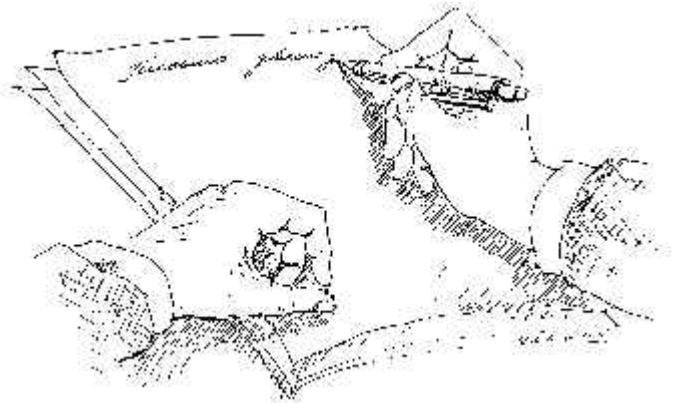
Самую большую надежду на тебя возлагаем мы — родные и близкие. Чего же мы ждем от тебя?

Ждем, чтобы в общении с нами ты была простой и приветливой. Строптивость характера усложнит общение с тобой, даже при большом желании ты не сможешь принести нам радость. Разве может стать душевным целителем разобиженная и надутая девушка, которая хоть и хочет, но не в состоянии откровенно признаться: «Я не права!» Или столь же искренне сказать: «Ничего страшного, я не сержусь».

Мы ждем, мы хотим ощутить, как старательно ты заботишься о каждом из нас, бережешь наши чувства. Мы хотим увидеть, что ты любишь людей, которые тебя воспитали. Говорят, долг платежом красен. Но платить можно по-разному.

Пусть будет для тебя так же естественно выразить благодарность, как яблоне дарить свои плоды людям. Чем и как ты можешь отблагодарить людей? Сама подумай.

Надеюсь только, что ты не станешь, как яблоня, только раз в год дарить людям свои плоды.



Постоянная забота, сердечность, сочувствие, ласка, внимание, добрая улыбка, доброе слово, уважение и непосредственность, простота в общении, может быть, этого ждут те люди, которым ты обязана своим развитием, своими радостями, своими знаниями. Об этом долге они никогда не напомнят тебе. Единственная благодарность, на которую они надеются: чтобы ты в ответ на их заботы стала трудолюбивым, полезным обществу человеком, чтобы утвердилось твое доброе имя, чтобы ты еще более возвысила и укрепила достоинство своей семьи и рода.

Поспеши, моя девочка, платить добром за все, что сделали для тебя люди. А то годы летят, стареют бабушки, да и родители не становятся моложе. Когда же им порадоваться результатам своего самого большого творческого труда, именуемого воспитанием детей и внуков?

Твой отец

Письмо двенадцатое
Самый главный совет

Добрый вечер, моя милая девочка! У тебя сейчас жаркие дни. Во-первых, потому, что июль — август самые жаркие месяцы в Тбилиси; во-вторых, потому, что ты готовишься к вступительным экзаменам в Тбилисский университет.

Не знаю, влияние ли это твоей мамы, которая так влюблена в свою науку, или это твой самостоятельный выбор, но ты остановилась на той же специальности и решила поступить на факультет русского языка и литературы, что когда-то окончила мама.

Ты усердно готовишься, приводишь в систему свои знания, ходишь на консультации. Все время нервничаешь, что не успеешь все хорошо выучить, тревожишься — а вдруг не сдашь экзамены, что тогда?

Не делай из этого трагедии, девочка моя! Станешь студенткой — отлично, будет для всех нас большая радость. А если не сдашь, разве это беда? Пойдешь работать. Может быть, будет и лучше, если познаешь трудовую жизнь, это тебя очень обогатит, сделает опытной и сильной. Твой брат уже подыскал тебе работу в типографии, той самой, где он служил лифтером грузового лифта, будучи еще школьником. У него там есть много друзей. На днях он пошел к директору, порекомендовал тебя, и директор согласился, сказал, что даст тебе работу в переплетном цехе.

Я решил больше не писать тебе письма. Не хочу мешать тебе в это жаркое лето. А важнее то, что, пожалуй, сейчас нет необходимости посылать письма из комнаты в комнату, ибо и без них мы уже отлично понимаем друг друга. Дружба наша стала крепкой и надежной, сердечной и доверительной. Не так ли?

По вечерам, перед сном, когда я захожу в твою комнатку и мы с тобой начинаем шушукаться, знаешь, как это меня обогащает? Я многое о тебе узнал и узнал самого себя тоже — какой я отец для своей дочери. Хотя учил тебя своими письмами уму-разуму, но одновременно сам тоже учился тому, каким мне надо быть. Я заглянул в твое сердце, в твою душу — они у тебя оказались добрыми, чуткими, отзывчивыми. Но я познал еще и твой характер — в нем пока еще есть шероховатости «мартовского» возраста. В народе говорят, что март выпросил у апреля двенадцать дней, и эти дни смешаны с апрельскими. А апрель — тот месяц, когда весна стремится проявить всю свою прелесть и

очарование. Вот и я думаю, что в твоем характере остались еще отголоски марта, но и они скоро исчезнут. В общем, ты сама прекрасно знаешь, что я имею в виду.

Мы уже друзья, и навеки, правда? Не знаю как для тебя, но для меня дружба эта — маяк в душе.

Значит, не буду больше посылать тебе письма из комнаты в комнату, разве только тогда, когда возникнет необходимость.

Но ты попросила меня дать тебе самый главный совет. «Вот если бы подытожить все твои наставления, изложенные в письмах, какой самый-самый главный совет дал бы ты мне для руководства на всю жизнь?» — так ты мне сказала на днях.

Самый-самый главный совет!

Бывает ли такое?

Да, есть у меня такой главный совет. Этот совет служил и мне источником пожеланий тебе. Вникнешь раз в эту самую-самую главную мудрость и открываешь для себя одну истину. Вникнешь другой раз — и другая истина открывается тебе. И так это может продолжаться бесконечно много раз, только нужно, чтобы преобладала в тебе страсть к человеческому самосовершенствованию.

Мудрость эту, этот самый-самый главный совет я обнаружил для себя в следующей мысли великого педагога Василия Александровича Сухомлинского: «Ты человеком родился, но Человеком должен стать».

Помочь тебе разобраться в этой мысли?

Но может быть, будет лучше, если ты сама попытаешься вникнуть в ее суть. И попытаешься сделать это не раз или два, а много-много раз. И не только с той целью, чтобы философствовать, кто же такой человек среди людей, но и с той, чтобы жить среди людей как человек, жить так, чтобы ты, Нина Шалвовна, нужна была людям.

И тогда ты увидишь еще, что моими письмами я стремился научить тебя как самой очеловечивать себя.

Очеловечивать себя для людей!..

Нет у меня других самых-самых главных советов для тебя, моя родная.

Давай будем жить так, каждый день очеловечивая себя, и поможем в этом друг другу: я — тебе, а ты — мне!

Спокойной ночи желаю тебе, моя дорогая!

А сон? Какой сон тебе пожелать?

Желаю тебе в эту ночь видеть сны о том…

Лучше, знаешь что: и в эту ночь и впредь желаю тебе видеть добрые сны, и чтобы они потом помогали тебе творить добрые и настоящие дела.

Твой отец